

Владимир Романовский
Полезный Груз
фантастическая сага

Владимир Дмитриевич Романовский

Полезный Груз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008861

ISBN 978-5-4474-1262-3

Аннотация

Эта сага написана в стиле реалистической фантастики. Это совершенно новый жанр, не похожий ни на какие предыдущие жанры. Герои и героини – настоящие люди, и события, происходящие с ними – настоящие события. Для взрослых.

Содержание

Предистория	5
Рассказ первый. Кларетт	8
Рассказ второй. Кейп Амита	18
Рассказ третий. Горная Земля	35
Рассказ четвертый. Касп	44
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Полезный Груз
фантастическая сага
Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предистория

Так было, или могло быть. Такое может свершиться, а может и не свершиться.

В некоем году в связи с энергетическим кризисом человечеству грозил как минимум откат в Средневековье. Говорят, что нужда – мать изобретательности.

И вот в нескольких лабораториях разных стран примерно в одно и то же время получен был гелий-двадцать. (Во всяком случае такова официальная версия событий).

Гелий-двадцать – название жаргонное, издевательское. На самом деле субстанция эта имела пятисложное латинообразное название, которое никто не мог запомнить.

Вещество это решало многие проблемы, связанные с энергетикой. Это поняли почти все, и почти сразу. Для промышленного производства гелия-двадцать требовалось большое количество гелия-три.

На Земле гелий-три присутствует в мизерных количествах. Под коркой Луны есть много гелия-три, но чтобы его оттуда извлечь, нужны серьезные усилия. Огромное количество техники, необходимое для промышленного добывания на Луне, следовало бы транспортировать, аппарат за аппаратом, многие годы. Потребовались бы не только бурильные, но и перерабатывающие машины, чтобы отделять гелий-три от того, к чему он, говоря простым языком, прилип.

Первый разведывательный корабль с людьми на борту послали на Ганимед, спутник Юпитера, китайцы. Корабль не вернулся, связь с экипажем прервалась при посадке, через три года после запуска. Второй корабль стартовал через неделю после первого, и его постигла та же участь. Третий корабль, вылетевший через месяц после первого, совершил посадку на Ганимеду не теряя связи, собрал нужную информацию, но взлететь ему не удалось. Четвертый корабль совершил посадку, принял двух из шести уцелевших членов экипажа третьего корабля на борт, и вернулся на Землю – через пять лет после старта первого корабля, с двумя тоннами полезного груза и двумя уцелевшими членами экипажа. За пять лет до прибытия на Землю первого груза на Ганимед отправились русский и американский корабли, оба с модифицированными системами двигателей, берущими начало в разработках пятидесятых-семидесятых годов двадцатого века (проект «Лонгшот», проект «Дедалус»).

Прошел год. Уходы кораблей к Ганимеду стали совершаться по три-четыре раза в сезон. Разведки всех стран работали интенсивно, информацию о технологиях невозможно было сохранить в тайне, все ошибки предшественников учитывались. Тем не менее, некоторые экипажи гибли вместе с кораблями. Но это не могло остановить прогресс.

Поставки гелия-три на Землю следовало сделать постоянными, и каждая страна-участница намеревалась наладить эти поставки раньше остальных. К программе вскоре подключились Германия, Япония, а также международный концерн, большая часть акций которого принадлежала Южной Африке. Караван кораблей выстроился между Землей и Ганимедом, некоторые из них поддерживали друг с другом связь. Срок пребывания экипажей в экспедиции сократился до полутора лет, несмотря на бурные по началу протесты многочисленных организаций, считающих, что атомные взрывы, как их не контролируй, представляют опасность для экологии и жизни людей – даже если первый из них на пути к Ганимеду происходит за орбитой Луны. Чтобы увеличить эффективность добычи и доставки, Америка и Россия разбили, каждая свой проект, на две фазы – с остановкой на орбитальной станции. С помощью того же гелия-двадцать на станциях соорудили перерабатывающие мощности. Гелий-три, добытый на Ганимеду, перекачивался в орбитальное хранилище и доставлялся на Землю с помощью специальных челноков.

Для лучшей выживаемости экипажей для кораблей спроектировали «блендеры» (на экипажном сленге «крутилки») – жилые и служебные помещения располагались

в полой центрифуге, находящейся в состоянии постоянного вращения вокруг оси. Таким образом обеспечивался гравитационный эффект – чтобы от длительного состояния невесомости люди не теряли мышечную и костяную массу.

Разные страны по-разному подходили к вопросу комплектования экипажей. Американцы ориентировались на изначальную уравновешенность кандидатов, которых якобы отбирали эксперты. Русские опереждали кандидатов на специальную психологическую подготовку, которой очень гордились. Во всех странах каждый кандидат проходил специальный курс обучения. Каждый и каждая умели, в случае надобности – пилотировать корабль, производить взлет, посадку, и стыковку челноков, оказывать медицинскую помощь вплоть до некоторых видов хирургии, разбираться в видах связи, производить ремонт любой корабельной техники.

Очень быстро все страны-участники поняли, что проблему слаженности работы экипажа следует решать – хотя бы частично – еще на Земле. При взлетных комплексах построили сооружения, условия существования в которых приближались к условиям полета – те же помещения, тот же набор консервов и медикаментов, тот же полный отрыв от цивилизации. Оптимальный срок подготовки – три месяца. Если за это время никто из членов экипажа не убивал остальных, не становился «паханом», не ломался, не сходил с ума, если психологическая совместимость членов по окончании срока оставалась удовлетворительной, команде разрешалось подняться на борт.

Экипаж типичного корабля состоял из четверых мужчин и четырех женщин. Экипажу объяснялось, что беременности возможны, но нежелательны, поскольку никаких гарантий, что ребенок, родившийся в космосе, будет полноценным, нет. (В этой связи на ранней стадии появилась теория, что лучше всего составлять экипажи из мужчин-гомосексуалистов. Из четырех таких экипажей ни один не вернулся на Землю. Психологи, проанализировав записи полученные с мониторов neverнующихся кораблей во время полетов, пришли к заключению, что отсутствие общения с людьми обычной сексуальной ориентации приводит гомосексуалистов к психологической, а зачастую и физической, неадекватности).

Возникла проблема адаптации вернувшихся экипажей. На полноценность никто изначально не рассчитывал – полотора года в Пространстве, в отдалении от Солнца, так или иначе сказывались на всех членах экспедиций, но фиксировалась степень повреждений, в начале эры высокая. (Утечки данных неизменно разрастались в международные скандалы, в которых все обвиняли всех). От кандидатов скрывали, на сколько лет жизни они могут рассчитывать по возвращении. «Поврежденных» возвратившихся пытались изолировать от общества, чтобы общество не слишком сильно возмущалось. Изолировать с комфортом.

Вернувшиеся под присмотром врачей и психологов проходили реабилитацию, длившуюся от трех месяцев до года.

И вот один из возвратившихся преодолел двадцатилетний рубеж пребывания в живых и дал полноценное потомство. Степень щекотливости уменьшилась.

Электростанции могут работать на гелии-двадцать. Также его можно использовать как топливо для навигации в космосе (после взлета). Но приспособить его для двигателей внутреннего сгорания не удалось. Гелий-двадцать стал относительно безопасной альтернативой урану.

В то время, как другие страны проявляли высокую степень щепетильности, когда дело касалось набора членов экипажей, Южная Африка сразу пошла по самому, как тогда представлялось, рациональному пути. Экипажи стали набирать в тюрьмах.

Полтора или два года пребывания в Пространстве – значительный срок. Ничего особенно интересного в открытом космосе нет. Не всякий захочет. Заключенным – мужчинам и женщинам – предлагалось стать членами экспедиции. Из желающих (подавших заявление) отбирали людей наиболее уравновешенных. Сроки им отменялись. По возвращении каждому члену экипажа гарантировались два миллиона долларов, обеспеченных золотом. Каждой командой руководил капитан – из вольных. Капитанам платили больше. Некоторые из них (редко, но случалось) соглашались на повторный полет.

Ты отбываешь тюремный срок. Ты подаешь заявление. Тебя вызывают на осмотр и консультацию. Если ты их проходишь, тебя определяют в Центр Подготовки – и еще семь человек, таких же как ты, присоединяются к тебе. Команды подбираются психологами, учитывающими особенности каждого и каждой, но конфликты все равно неизбежны. Об этом все знают. Главное – чтобы они не затягивались. При затяжном конфликте в первый месяц группу разбивают и перераспределяют, кого-то отсеивают. При конфликте на третьем месяце в Центре всех членов группы отправляют обратно в тюрьму – досиживать сроки.

Согласно официальным данным, в желающих попасть в кандидаты недостатка нет.

Рассказ первый. Кларетт

Когда ей было восемь лет, Кларетт ходила в школу, и в методистскую церковь по праздникам. В церковь ее с собой брала бабушка. В то время компания «Пейлоуд» уже существовала, но ни Кларетт, ни бабушка об этом не знали.

Как-то раз бабушка осталась в цекрви, чтобы обсудить с методистским священником какие-то личные дела, а Кларетт вышла на улицу, посмотрела вокруг, и решила, что сядет на скамейку напротив здания церкви и подождет бабушку, и будет себя вести очень хорошо. А за это бабушка даст ей денег, и она купит себе конфет.

На скамейку она села боком, и поставила на нее же ноги в белых выходных ужасно тесных туфлях. Она знала, что взрослых очень раздражает, когда садишься в кресло – или вот на скамейку – с ногами, и они кричат. Но кругом никого не было кроме какой-то пожилой тетки, похожей на индуску.

Впрочем, наверное она и была индуска, просто Кларетт тогда еще не разбиралась в таких нюансах.

Вскоре индуска подошла и присела на ту же скамейку на расстоянии метра от Кларетт. От нее пахло дешевыми духами, какими-то специальными индусскими притираниями, и застарелым потом. Кларетт сидела неподвижно, не меняя позы.

– Чего тебе в жизни не хватает? – спросила индуска.

Кларетт не поняла вопроса и промолчала.

– Хочешь я подарю тебе чайную розу? – спросила индуска. – Или исполню какое-нибудь твоё желание. А?

И снова Кларетт не поняла и промолчала.

– Ну вот к примеру – какой ты хочешь быть, когда вырастешь? – спросила индуска.

На этот вопрос Кларетт ответ знала.

– Я хочу быть как Линда Ривьера, – сказала она.

– Кто же это такая, Линда Ривьера? – спросила индуска фальшиво-благосклонным голосом, обнажая в ханжеской улыбке гниловатые, противного цвета зубы.

Кларетт сперва не поверила, что кто-то может не знать, кто такая Линда Ривьера, но вскоре подумала, что индуска наверное с ней таким образом играет. Есть у взрослых такие глупые игры. И они, взрослые, очень раздражаются, когда дети отказываются с ними играть. Чтобы не раздражать индуску, Кларетт процитировала заставку к популярному мультфильму:

– Линда Ривьера – женщина, бороздящая просторы галактики, готовая пожертвовать собой во имя благополучия человечества.

Индуска некоторое время думала о чем-то, возможно о и превратностях судьбы, а потом сказала:

– Ну что ж. Желание клиента для меня закон. Могу подарить тебе красоту, ум, и все такое...

– Нет, я хочу быть, как Линда Ривьера, – возразила Кларетт.

– ... могу также пожелать тебе ... во имя благополучия...

– Не благополучия, а благополучия человечества.

– ... а могу просто дать по морде, – заключила индуска.

– Это нечестно, – сказала Кларетт и отодвинулась.

– Ладно. Благополучие так благополучие.

Об этом разговоре Кларетт забыла через два дня. У нее вообще была не очень хорошая память. А потом Кларетт выросла.

Миру не было до взрослой Кларетт никакого дела, но она по этому поводу не очень огорчалась. Саму ее мир тоже не очень интересовал.

А интересовалась Кларетт мужчинами. Это у нее был не исследовательский азарт, и даже не просто любопытство, а личная заинтересованность – ей хотелось знать, какой именно мужчина согласится иметь с ней дело. Чтобы жить вместе, есть вместе, спать вместе, и в перспективе, возможно, иметь свой отдельный независимый хумень, детей, и еще чего-нибудь. Ну, собаку, что ли. О большем Кларетт не думала, то есть, не могла вообразить, и целью такой – вообразить большее – не задавалась. И когда это большее все-таки появлялось – мужчины её, Кларетт, не чурались – она просто дополнительно радовалась этому большому, если оно было радостно, или печалилась, если печально.

А было в Кларетт шесть футов и два дюйма роста. Даже у мужчин такой рост считается выше среднего в некоторых регионах. Сложения она была – длинного и тощего, без особых выпуклостей, с маленькой грудью и маленькой жопой. Кожа шоколадная, а глаза огромные. Пальцы длинные, ногти и лунки красивой формы. А рот большой и чувственный.

В школе Кларетт училась плохо, хотя честно старалась, книги и тетради содержала в чистоте, писала аккуратным почерком, и печатала неплохо. А сразу после школы ушла она из родительского хуменя – не очень благополучного, но и не особо, драматически, несчастного. Хумень как хумень. Ушла, потому что позвали.

Позвал грувель знакомый, они встретились с ним однажды в заведении, где пьют холодные напитки с пузырьками, смеются громко, шутят плоско, и играют в кегельбан. Кларетт играла в кегельбан не очень хорошо, но ей нравилось, что кругом люди, веселые и азартные, и много мужчин во взятых напрокат кегельбанных кедах.

Грувель оказался заядлым любителем футбола. Любимая его команда базировалась на другом континенте и называлась «Арсенал». За один месяц Кларетт узнала об «Арсенале» и футболе решительно всё. И постоянно думала и о футболе, и об «Арсенале», и жаловалась знакомым девушкам в парикмахерской, что в этом году в «Арсенал» набрали какой-то швали, и тренера давно пора гнать в шею, потому что он не умеет контактировать с игроками совершенно, а болельщики как всегда – люди темные, смотрят, и не видят толком, что происходит, и нет от них никакой поддержки. Касательно же национальных сборных – ну, Бразилия, конечно же, с их романтическим подходом к атаке, всегда производит впечатление, а немцы прямолинейны слишком, хоть и упорны, а команда Камеруна – что ж, все еще не тот уровень, все достойные камерунцы играют в Европе, а перспективы самые лучшие в данный момент у Италии, хотя, конечно же, сами понимаете, сборная Италии, особенно в связи с недавним скандалом, менее стабильна, чем в прошлом сезоне.

Через полгода грувель потребовал, чтобы Кларетт нашла себе работу, поскольку он не может содержать и себя, и ее. Кларетт послушно нашла работу кассиршей в супермаркете и честно платила половину квартирной платы, немалой – поскольку хоть и окраина, а все-таки Йоганесбург. Еще через три месяца грувель ее бросил.

Однажды подруга пригласила Кларетт на вечеринку. На этой вечеринке повстречался Кларетт мужчина очень сурового, очень мужественного вида, с очень темной кожей. И в тот же вечер настоял, чтобы она пустила его к себе переночевать. И еще до первого соития знала Кларетт, что в этой жизни каждый за себя, что все люди продажны, просто у каждого человека есть своя цена, а верить никому нельзя, но без риска жить – пресно, нужно иногда рисковать, а от последствий никто не застрахован. Обо всем этом она поведала на следующей день одной из своих сотрудниц в супермаркете, и сотрудница поняла (и поведала остальным), что Кларетт, по всей видимости, нашла себе нового грувеля, и что грувель этот, по всей видимости – не то вор, не то грабитель, не то наркоторговец, в любом

случае – репей и явный представитель зелейфа. В общем, полная белагра, а Кларетт – дура неразборчивая. Ну, он ей покажет, вот увидите. А то и убьет ненароком.

Он был мужчина страстный, и Кларетт было с ним хорошо временами. Иногда он ее бил, особенно когда у него не ладились дела, или просто было плохое настроение, и она жаловалась сотрудницам, и сотрудницы советовали ей его бросить или выгнать, но она не бросала и не выгоняла. У него водились деньги – пачки ассигнаций, схваченные резинкой – и от щедрот он выдавал ей иногда немалые суммы, и Кларетт купила черный кожаный диван, красивый настенный телевизор, красивую кровать с набалдашниками в виде ржущих и встающих на дыбы беговых лошадей, полированные блестящие шкафы с позолоченными ручками и узорами, несколько фарфоровых слоников под седлом, и разных тряпок себе, а также покупала своему сожителю белье, носки, терпко пахнущий норвежским хвойным лесом одеколон, крем для бритья с радостным розовощеким хонником на этикетке, шампунь, и прочие мелочи, и готовила ему обед. По вечерам он рассуждал о том, что каждому мужчине нужна подруга жизни, и что с этой самой подругой мужчина должен все делать вместе – и страдать вместе, и радоваться, и если муж, например, попал в беду, подруга должна с ним разделить его участь. Кларетт спрашивала, не ее ли он имеет в виду. Он говорил, что да. Она спрашивала, когда придет ей пора разделить с ним участь. Он отвечал – когда она будет к этому готова. Как станет готова, он ей тут же и скажет. Потом его арестовали и посадили надолго, и Кларетт опять осталась одна.

Следующий ее мужчина был белокожий блондинистый хонник, художник из Голландии, который объяснил ей, что она похожа на Нефертити. Кларетт не знала, кто это такая. Раньше знала, в школе проходила, а теперь забыла, поскольку никакого участия в ее жизни Нефертити не принимала и практической пользы от нее не было. Кларетт не успела проникнуться интригами и трудностями мира художников – через неделю эксцентричный небритый хонник уехал обратно в Голландию, пообещав с нею выйти в ближайшее время на связь, но так и не вышел.

Спустя некоторое время Кларетт познакомилась с группой авантюристов, представителей романтической стороны зелейфа, и жизнь ее вошла в приключенческую стезю. Один из авантюристов стал с ней спать. Она непрочь была поделиться чаяниями и нюансами жизни людей, постоянно балансирующих на грани опасности – с сотрудницами, но из супермаркета ее уволили за два опоздания и один прогул. Она не хотела опаздывать, и прогуливать не хотела, но любовник настоял, у него было игривое настроение в ту неделю.

Авантюристы ввели ее в дело – любовник поручился. Основу дела составляла некогда изобретенная американскими репьями, и с тех пор забытая, придумка. Поступали следующим образом:

В сумерки к некоему небольшому магазину подъезжал фургон, взятый напрокат. В магазин входили вчетвером. Один из входящих вынимал пистолет и направлял его на хозяина или хозяйку, а остальные подходили к тяжелому диспенсеру, из которого можно получить сумму чистоганом, пользуясь банковской карточкой. Перекусывали цепь строительными кусачками, диспенсер приподнимали и оперативно выносили на улицу. Задняя скользящая дверь фургона взлетала вверх. Держащий хозяина на мушке убирал пистолет, коротко кивал, и тоже выходил из магазина. После этого фургон уезжал.

Кларетт посадили за руль. Она неплохо умела водить, и вообще всегда ладила с техникой, чему сама не придавала большого значения.

В один вечер набрали пять диспенсеров. В мастерской, принадлежавшей знакомому одного из авантюристов, диспенсеры распилили и извлекли из них деньги, после чего поврежденные диспенсеры закопали в закутке позади мастерской, не очень глубоко. Получилось сто двадцать тысяч, из которых Кларетт выдали пятнадцать.

Через неделю повторили трюк в другом районе, и Кларетт получила двенадцать тысяч. Таким образом наличными у нее теперь было двадцать семь тысяч. Таких денег Кларетт ранее никогда не видела и в руках не держала. Любовник посоветовал спрятать деньги в холодильник, замаскировав под ветчину или сыр, но она не послушалась. Вспомнив предыдущего своего мужчину и его вещания, она завернула деньги в пакет, доехала на такси до аэропорта, и депозировала весь запас в автоматическую камеру хранения. Ключ от камеры она сунула себе в ридикюль из искусственной кожи с блестящим позолоченным замком в виде извивающейся шеи проголодавшегося питона, а номер затвердила на память.

Через неделю группу арестовали гепарды – всех, кроме Кларетт. Она как раз возвращалась из парикмахерской. Увидев гепардовы вуатюры у подъезда, она сразу поняла, в чем дело, и просто сменила направление.

Достав деньги из камеры хранения, Кларетт поймала такси и уехала – сперва в Преторию, а затем в Кейп-Таун.

Пожив неделю в мотеле на окраине Кейп-Тауна, она встретила эффектного вида юношу-мулата с порочным лицом. Родители юноши уехали в отпуск, оставив в его распоряжении хутень у берега. Средств своему сыну они отчислили на проживание мало, но Кларетт это не заботило нисколько, и она очень мило проводила с юношей время. Через три дня Кларетт уже строила планы по поводу своей дальнейшей жизни с юношей – нужно было снять небольшой хутень, обставить его красивой мебелью, и забеременеть. Однажды, когда они сидели в кафе, юноша, поглядев на то, как Кларетт хозяйским жестом вынимает из кошелька купюру, спросил небрежно, не богата ли она. Кларетт ответила, что не очень богата, но деньги есть. Он спросил – в банке? Она ответила – нет, в камере хранения. А много ли? Она сказала – около двадцати тысяч.

Прошло два дня, и юноша признался Кларетт, что есть у него на примете одно очень выгодное и абсолютно легальное дело, от которого может выйти неплохая прибыль, и тогда уже он, а не она, будет за все платить, но не хватает как раз двадцати тысяч. Не могла бы Кларетт ему одолжить? Он вернет – через неделю. Кларетт немного подумала, и сказала, что она не против, только ей нужно съездить в аэропорт. Юноша успокоил ее, сказав, что самой ей трудиться совершенно не нужно, он сам съездит, нужен только ключ и номер ячейки. С ключом и номером он уехал, и не вернулся ни через три часа, как обещал, ни даже через три дня.

Тщательно заперев дверь мотельного номера, Кларетт отправилась к хутеню юноши. Дверь открыл дворецкий. В хутень не пустил, но позвал мать юноши, женщину-хонницу с надменным лицом. На вопрос Кларетт, где находится юноша, мать ничего не ответила, а только смотрела с ненавистью на гостью. Подошел отец юноши – огромный темнокожий мужчина в летнем светлом костюме. Велев жене идти в гостиную, он вышел к Кларетт на крыльцо и прикрыл входную дверь.

– Что тебе нужно? – спросил он без интонации.

– Мне нужно видеть...

– Нет, тебе совсем не нужно его видеть. А ему не нужно видеть тебя. И никого из твоей компании бывших и будущих репёв. Его еле отходили в больнице после передоза. Хватит. Урок свой на всю жизнь он получил. Не приходи сюда больше.

– Он ... а ... – Кларетт растерялась.

– Не приходи. Я ничего не имею против тебя, ты такая, какая есть. И дружки твои репейные тоже такие, и не моё это дело. Я никого не осуждаю, даже людей из зелайфа. Но мой сын вам не компания. Если вы не оставите его в покое, я вынужден буду принять меры, уведомить кое-кого. Поняла?

Кларетт кивнула, стесняясь.

– Я дала ему деньги ... – сказала она.

– Деньги?

– Он сказал, что у него есть выгодное дело...

– Нет, нет, не надо, – отец юноши улыбнулся невесело. – Рассказнями меня не надо развлекать. – Она хотела что-то сказать. – Помолчи. – Он подумал некоторое время. – Ладно. Дам я тебе денег, но с условием, что в этом районе тебя никогда больше не увидят. Если еще раз сунешься – арестуют. Сколько тебе дать?

– Он правда взял у меня деньги. Двадцать тысяч.

– Я ведь сказал – не надо мне грузди здесь разводить. Иначе вообще ничего не дам.

Он помолчал еще немного для внушительности и вытащил бумажник.

– Двухсот тебе хватит? Только смотри, чтобы никто не узнал. Вот ... а, нет, двести не набирается. Ну вот сто шестьдесят. Больше у меня сейчас нет. На.

– А ... я вот ... э ... – сказала Кларетт.

– Или бери, или вообще ничего не дам. Дурой не прикидывайся. Бери, бери, и иди себе.

Вернувшись в мотель, Кларетт задумалась. Будучи девушкой с практическим складом ума, она вскоре уяснила, что пропавшего не вернешь, а на пропитание и крышу зарабатывать как-то надо. И из мотеля надо уехать – мотель стоит дороже квартиры раза в два, и дороже комнаты раза в три, если на месячную плату пересчитать.

Отдохнув и поев, Кларетт пошла прогуляться по городу с целью найти бар и с кем-нибудь познакомиться. Бар она нашла, и не один, а целую шеренгу баров, возле которых толклись девицы в одежде, которую принято считать вызывающей. Кларетт приблизилась. Разговорились, и вскоре ее познакомили со сводником, толстым, неприятным грувелем, который объяснил Кларетт, как нужно подзывать клиента, куда его вести, как получать с него деньги, и как отдавать ему, своднику, законную долю.

Кларетт не знала, что именно в этот день началась неделя отчетности в местном гепардовом участке. Именно поэтому девушки толклись у баров, а не пешествовали туда-сюда по страде, покачивая бедрами и улыбаясь проходящим и проезжающим со словами «Как дела, отрок? Тебе одиноко? Не составить ли тебе компанию?» В неделю отчетности каждому своднику полагалось сдавать в гепардник двух девушек, и, конечно же, новеньким отдавалось предпочтение. И когда Кларетт, улыбаясь, подошла к молодому мужчине и сказала «Как дела, отрок?» и уединилась с ним за углом, он тут же надел на нее наручники. И только после этого показал бляху, нарушив таким образом правила, но пожаловаться на это Кларетт было некому.

Суд назначили через три дня. Эти три дня Кларетт провела в камере с десятью другими женщинами – девять черных, одна хонница, все десять репейницы со стажем, многоразовые. На второй день ее вызвали в кабинет, где с ней говорил элегантно одетый хонник, оказавшийся адвокатом.

Один из богатых клиентов адвоката попал в переделку – в пьяном виде порушил часть важного учреждения и что-то в этом учреждении украл, какую-то ценность. Адвокат объяснил Кларетт, что клиенту его вовсе не хочется сидеть в тутумнике, пусть и незначительный срок, три месяца. Что вся жизнь клиента, и все его счастье и радость, держатся на его незапятнанной репутации, и что репутация эта – инструмент, орудие производства, и нужна ему не меньше, чем стриптизерше хорошо очерченные сиськи. Если она, Кларетт, возьмет вину на себя, даст показания, и подтвердит их на суде – мол, это она порушила и украла – то и отсидит она как раз эти три месяца, а по освобождении получит две тысячи чистых. А если не согласится, то придется ей сидеть за проституцию целый год, поскольку правила ужесточились недавно, новый мэр у нас в городе, и все такое.

К правде это не имело отношения, но адвокат говорил очень убедительно, и был он представительный мужчина, и Кларетт согласилась.

«Будьте осторожны, дети мои, сестры, дочери!» – с ненавистью в голосе вещал священник, обращаясь к разнузданной пастве в тутумных голубых комбинезонах. – «Следите за тем, что и у кого вы просите! Всевышний прислушивается к тому, что вы хотите Ему сказать! Лукавый же обращает внимание только на то, что вы ему говорите, а не на то, что вы чувствуете! Заткнитесь и слушайте, что я говорю, дуры, заразы!»

Еженедельные эти проповеди не приносили Кларетт радости, но и вредными не казались. Ей не было скучно, как другим штрихеткам, слушать тутумного пастора. Иногда она даже находила интересным то, что он говорил – когда понимала смысл того, что он говорит.

Выйдя через три месяца на свободу и не получив обещанные две тысячи (обещавшие не пожадничали, а просто забыли), она столкнулась с проблемой, с которой сталкиваются все бывшие штрихи и штрихетки – проблемой получения дохода. Легально доход можно получить, устроившись на какую-нибудь работу. Еще раз попробовать себя в роли проститутки она не решалась, поскольку твердо верила, что если с первого раза что-то не получается, значит, не судьба. Ее не взяли ни в один из супермаркетов в районе, не взяли секретаршей в больнице, не взяли курьером, не взяли в распределитель в прачечной, не взяли помощницей официантки в кафе. Читая объявления, она наткнулась на сообщение, что местному университету требуются уборщицы и полотерши. Она пришла и заполнила анкету обгрызанной кем-то ранее шариковой ручкой. Ей сказали, что с нею свяжутся. Она поблагодарила и повлеклась к выходу, но ее остановила женщина в форме уборщицы с отличительной полоской на рукаве, менеджер смены. Задав Кларетт несколько вопросов, она тут же повела ее к себе в подсобное помещение, объяснила цели и методы работы, хлопнула Кларетт по плечу и пожелала удачи.

И Кларетт начала – мыть полы и унитазы и пылесосить ковры и кресла в университете в вечернюю смену. Там она познакомилась со средних лет профессором, красивым черным мужчиной со слегка рассеянным видом – профессору положено иметь рассеянный вид, поскольку он все время в раздумьях, за которые ему платят. Было десять вечера, здание университета стояло пустое. На втором этаже оказалось несколько помещений, весьма подходящих для сокоупления уборщиц с профессурой. Член у профессора был не очень большой, и у него пахло изо рта, но зато он оказался мужчиной внимательным и искушенным, и даже извращенцем в некоторой степени. Извращения не удручили Кларетт, но и в восторг не привели. Она просто сказала профессору равнодушным тоном, что никогда такого раньше не делала, и что это очень интересно. Выслушав ее, профессор обрадовался и даже, кажется, возгордился.

От профессора Кларетт узнала много нового, не только о сексе. Новых подруг у нее пока что не было, и поэтому знаниями своими она делилась с кассиршами в супермаркете, объясняя им, что все зло на земле – от хонников, что белый человек изобрел пистолеты, автоматы, танки и бомбы, что все хонники – бездушные, холодные, и трусливые, и захватили власть хитростью, и что придет время, когда власть у них отберут и они получают по заслугам. Говорила Кларетт открыто, не понижая голоса, и прислушивались к ее речам многие посетители супермаркета, некоторые из которых, будучи белыми, чувствовали себя во время ее речей неуютно.

Через три недели кто-то из администрации университета все-таки проверил документацию, навел справки, и менеджер смены вызвала Кларетт в подсобное помещение и сказала, что очень сожалеет. Менеджеры вообще часто о чем-то сожалеют. Вечером Кларетт встретилась со своим профессором и объяснила ему ситуацию. И выразила пожелание жить вместе. Он сделал скорбное лицо, потер ладонью широкий нос, и сказал, что и рад бы ей помочь, но, увы, он женат, и от богатой его жены зависят его карьера и личное благополу-

чие. И никому без карьеры и благополучия он не нужен, даже ей, Кларетт. И она должна это понимать. Кларетт сказала, что понимает, но ей было грустно.

И снова она оказалась одна и без средств. Два дня спустя в баре ее узнала девушка, сидевшая с ней в тутумнике, и они разговорились. Девушка познакомила Кларетт со своим сводным братом, человеком целеустремленным и внимательным, и между ним и Кларетт сразу возникла взаимная приязнь. Более того, грувель этот вел себя с Кларетт открыто, искренне, и делился с ней своими страстями, одной из которых была страсть к оружию. На своем мотоцикле он возил Кларетт далеко за город, и они прекрасно проводили время, занятые пикником, вдохновенными соитиями, и стрельбой из разных видов оружия по жестяным банкам. Как-то раз он признался ей в любви и предложил выйти за него замуж. Кларетт дала согласие.

Через месяц после скромной свадьбы муж Кларетт объявил ей, что должен отлучиться на неделю. Кларетт спросила зачем и куда. Подумав, он объяснил ей, что намечается ограбление инкассатора, свой человек дал сведения. На это Кларетт сказала, что каждому мужчине нужна подруга жизни, и что мужчина должен все делать вместе с нею – и страдать, и радоваться, и если муж, например, попал в беду, подруга должна с ним разделить его участь. Поэтому Кларетт должна ехать с ним. Она и сама удивилась стройности этого рассуждения и неожиданности вывода. Немного подумав, он согласился, тем более, что Кларетт за это время научилась обращаться с оружием так ловко, и стрелять так метко, что вызывала восхищение мужа, человека бывалого.

На инкассаторский бронированный вуатюр они напали среди бела дня, в пригороде, у придорожного кафе, в котором инкассаторы покупали кофе и сэндвичи с рыбой на вынос (они спешили) – подъехали на мотоциклах, вытащили дробовики. Пока один из инкассаторов открывал, тряся щеками и обильно потея, бронированную дверцу, второй, стоя лицом к борту вуатюра, сумел каким-то образом сориентироваться, извернуться, выхватить второй пистолет, который налетчики не обнаружили у него при скором обыске, и навести его на мужа Кларетт. Мгновение спустя дробовик Кларетт встал вровень с головой инкассатора.

– Не стреляй, иначе ему белагра! – велел инкассатор.

– Стреляй! – крикнул муж. – Стреляй, чего ждешь!

Инкассатор был мужчина представительного вида, с внушительным голосом и небольшим брюшком. Первая реакция Кларетт была – послушаться инкассатора. Но муж – все-таки муж, к тому же инкассатора она видела первый раз в жизни, а мужа знала уже четыре месяца.

Два выстрела прозвучали одновременно. Пистолетная пуля вошла в грудь мужу Кларетт. Выстрел дробовика Кларетт с расстояния меньше метра снес инкассатору голову начисто.

После того, как оставшиеся в живых мужчины набили деньгами холщевые мешки и привязали их к мотоциклам, Кларетт отодвинули от мужа, лежащего на спине, и проверили лежащему дыхание и пульс. Мужу не повезло – так они сказали. Один из них посадил шокированную Кларетт позади себя на мотоцикл. Другой мужчина застрелил второго инкассатора. Моторы взревели, репы и репейница устремились по пыльной дороге на восток и совершенно случайно на ухабистом перекрестке без светофора наскочили на гепардовый патруль из двух вуатюров. Приказ по мегафону грабители проигнорировали, и гепарды за ними погнались. Гепардов было по двое на вуатюр, то есть, у двух из них обе руки были свободны, и им было удобнее стрелять, чем грабителям, занятым управлением мотоциклов, поэтому через несколько минут погоня завершилась. Гепарды вызвали по радиации подмогу и скорую помощь. Кларетт и двух оставшихся в живых грабителей арестовали.

На суде Кларетт хамила и называла прокурора белой свиньей, источником зла на земле, тупым хонником, обманом захватившим власть над миром, и обещала ему, что власть скоро отберут у него, и так далее. В ее досье значилась предыдущая судимость за грабеж, кражу,

порчу имущества, и отдельно фигурировала проституция. Ее обвинили в соучастии и дали пятнадцать лет без возможности выпуска на поруки.

Прошло два месяца. В тутумник, где сидела Кларетт, приехала делегация из восьми человек официального вида, с удостоверениями, в левом верхнем углу которых значилась темно-синяя латинская буква *P*. Несмотря на то, что прошли они прямо в кабинет начальника тутумника, все штрихетки каким-то образом сразу узнали об их прибытии.

Соседки Кларетт по камере засуетились.

– В чем дело? – спросила Кларетт.

Ей объяснили. Оказалось, грувели эти – из концерна под названием Пейлоуд, работают на космическую программу, ту самую, которая посылает репьев и репейниц с длинными сроками на Ганимед.

Кларетт слышала, что существуют космические программы, но что такое Ганимед – представляла себе очень смутно. Может, это такая звезда или галактика, или еще что-нибудь. Что такое галактика она тоже не знала.

– Там люди долго не живут, сразудохнут, – объясняли сокамерницы. – Ну, может хонники живут дольше, у них кожа лунная, а нам там сразу белагра.

Зазвонил полуденный сигнал, и весь тутумник, поколыхивая бедрами и потрясая грудями под хлопковыми комбинезонами, вышел из камер и направился развязным шагом в кафетерий, нарочито по привычке шаркая кедами.

– Они там наверняка засели, – говорила одна из сокамерниц. – Будут отбирать. Понимаешь, что я тебе говорю? Сперва, наверное, привезут куда-нибудь, помурьжат, может пару раз выебут, а потом отправят на Ганимед, подыхать. Поняла?

– А почему там ... подыхают? – спросила Кларетт.

– Где?

– Ну ... на Ганимеде?

– А там везде космические лучи, стреляют все время, очень опасные. Просветит тебя таким лучом пару раз – и белагра. Да, ага? Хонникам лучше, но не думаю, что хонников или хонниц туда вообще посылают, им везде привилегии.

– А кто стреляет этими лучами?

– А я откуда знаю. Может, там инопланетяне какие-нибудь базу себе построили. Понимаешь? Может, туда людей на откуп этим инопланетянам возят. Понятно? Типа, скармливают. Никто из штрихов толком не знает, почему людидохнут. Нам не скажут! Чего со штрихетками церемониться! Поняла?

– А по каким признакам отбирают? – спросила Кларетт. – Кандидаток?

– Не знаю. Но вот увидишь – как придем в кафетерий, так половина штрихеток будет либо притворяться немощными и увечными, либо косить под ебнутых. Поняла?

Кларетт решила, что будет действовать по обстоятельствам. Никаких незнакомых людей в кафетерии видно не было – но вдруг они маскируются, или следят через скрытые камеры? Обычным шагом, пошаркивая, не привлекая внимания, она отделилась от своих, смешалась с остальными, прошла вдоль стены, и, чуть приподнявшись на носках, втерлась в закуток, где торчали коммуникационные трубы. Одна из труб, с горячей водой, обожгла Кларетт щеку, но она даже не выругалась. Она просто постоит здесь, пока все не уйдут, а потом пойдет себе в камеру. Пропущенная кормежка – не такая уж большая плата за уверенность, что тебя не отправят к беларговым матерям под обстрел каких-то безумных разозлившихся инопланетян.

Загремели ложки, застучали тарелки, штрихетки заговорили, возбужденно обсуждая прибытие подонков из Пейлоуда. О деятельности Пейлоуда все они в той или иной степени оказались осведомлены. Кларетт было плохо слышно, а делать ей оказалось совершенно нечего, и тогда она стала вспоминать что-то из прошлого – детство, родителей, мужчин,

приключения. Слегка удивилась тому, что когда-то очень интересовалась футболом, совершенно, вроде бы, дурацкой, бессмысленной игрой. Вспомнила, как муж учил ее стрелять.

Внезапно ее осенила интересная мысль. Вот этот ее поступок – то, что она решила спрятаться – не является ли самым первым сознательным ее поступком, который она произвела самостоятельно, без постороннего влияния? С чего бы это?

Наверное я повзрослела, подумала она. Двадцать два года – взрослый возраст. Ну и помимо этого я совершенно не хочу подохнуть на ... как? ... на Ганимеде. Это, наверное, хонники придумали – нас туда посылать. Бездушные свиньи. Ну, ничего, придет день и час ... наверное ... А еще я скучаю по юноше-мулату, мне он больше всех нравился. Где он сейчас? Что с ним сейчас? То, что отец его мне мозги пудрил про передоз – это, конечно же, грузди – вовсе он не наркоман. Интересно, на что он действительно истратил двадцать тысяч.

– Это весь список? – сурово спросил один из представителей Пейлоуда, мужчина солидного вида с бычьей шеей и бритой головой.

– Весь, – кивнул начальник тутумника.

Представитель обернулся к своим.

– Росси, вроде бы нам обещали больше. А?

Росси, тощий, длинный хонник с унылым скучающим взглядом, пожал плечами.

– Также, мне говорили, что именно в вашей тюрьме содержится Ридси.

Начальник поднял голову. Имя, вернее, кличка, была ему знакома.

– Ридси была, – сказал он.

– Была? И что же?

– Ее перевели в другое место.

– Какое именно?

– Не знаю, но могу узнать.

– Ну, хорошо, – сказал бычешей. – Ну и рожи у них ... Хорошо, берем вот эту ... эту, эту ... эту ... эту ... и эту. И хватит.

Начальник тутумника кивнул. Оформление документов заняло около получаса, и все участники, как это часто бывает в жаркую погоду при оформлении документов, слегка осоловели, и глаза их подернулись поволокой.

Несколько охранников сбегали в кафетерий и привели отобранных женщин. Им надели наручники и вывели наружу, и погрузили их в фургон, но не гепардовский, а новый, обтекаемый, сверкающий, светлых тонов и элегантных форм, с большой буквой *P* на обоих бортах. В этот же фургон забрались восемь охранников в формах с той же буквой на рукавах, с автоматами. Представители в штатском сели в два легковых вуатюра.

– А ну, подожди, – сказал бычешей.

Шофер, собравшийся было ехать, вернул переключатель скорости в нейтральное положение. Бычешей достал планшет и некоторое время что-то проверял.

– Забыл! Ах ты ... Семь, а не шесть. Из этой тюрьмы особый набор. Из-за Ридси. Но ее здесь нет. Белагра, с этой жарой я скоро перестану вообще что-нибудь соображать. Парит и парит, а дождя нет. Росси, возьми троих охранников и приведи какую-нибудь, все равно какую. Нет, я с тобой не пойду, мне здесь лучше, здесь кондиционер работает. Не смотри на меня так, ты моложе и выносливее. Иди, иди.

Росси с тремя охранниками вернулся в кабинет начальника тутумника.

– Ну, знаете! – сказал начальник.

– Я и сам не рад, – ответил Росси. – Честно. Где списки?

– Уничтожены, как велено.

– Печатайте новые.

– Система стопорит.

– Ну не могу же я у вас тут целый день торчать! – возмутился Росси и отошел к двери, где тень была гуще, а из коридора поддувал ветерок, хоть и теплый. – Грузди ... Полная белагра...

Какая-то тень в коридоре привлекла внимание Росси. Он высунулся и увидел Кларетт, идущую по коридору от кафетерия спокойным шагом.

– Эй, красавица! – позвал Росси.

Кларетт остановилась как вкопанная и уставилась на него, не зная, что предпринять.

– Иди сюда! Сюда, сюда! Не бойся!

Один из охранников тоже выглянул в коридор.

– Да иди же! – приказным тоном сказал Росси, и Кларетт послушалась.

Она вошла в кабинет. Росси положил ей руку на плечо.

– Вот эту возьму, – сказал он начальнику тутумника. – Черт с ней, с системой вашей, пишите от руки, вон форма лежит.

– Э ... – сказал начальник тутумника, рассматривая Кларетт и явно сомневаясь.

– Что? – спросил Росси.

– Да ведь дылда она, вон какая, – сказал начальник. – Вам такие, вроде бы, не очень подходят?

– Да ее все равно отчислят и вернут к вам, – Росси махнул рукой. – Она вообще лишняя, просто галочку поставить. Вместо Ридси.

– Отчислят?

– А может и не отчислят. А может натренируют, научат премудростям, и будет она бороздить пространство, как какая-нибудь отважная амазонка-первооткрывательница, – с раздражением сказал Росси. – Вам-то какое дело? Пишите, я спешу.

Кларетт некоторое время смотрела, как начальник пишет, охранники скучают, а Росси вытирает лоб, оправляет пиджак, и снова вытирает лоб. Чуть придвинувшись к Росси, она стала смотреть ему в профиль настойчиво, пока он не повернул к ней голову.

– А там очень опасно? – спросила она осторожно.

Росси pokrивился и пожал плечами.

– Да нет, совсем нет, – ответил Росси. – Ну, может, еда непривычная, помучаешься животом пару дней.

Выйдя из фургона, Кларетт старательно прочла надпись над входом в двухэтажный бетонный хумень. «Во Имя Благополучия Человечества». Никаких ассоциаций надпись эта у нее не вызвала.

Рассказ второй. Кейп Амита

Стихии, ворчавшие всю неделю, окончательно рассердились и забуянили с большим размахом. Волны перехлестывали через гранитный парапет набережной, ливень без перерывов лупил по зданиям, мостовым, и редким прохожим, порывы ветра следовали один за другим, раскачивая и грозя свалить опознавательный знак с жирной готической *P* на главной магистрали. С корнем вырвало несколько деревьев в сквере. Такой погоды ни сам Кейп Амита, ни окрестности, ни вообще регион, не помнили. При этом влага, падавшая на городок, вовсе не казалась тропической. Температура от часа к часу падала все ниже.

Подача электричества с местной станции прекратилась. Немногочисленные жители, в основном обслуживающий персонал, попрятались в своих барачного типа хутенях. Центр Подготовки компании Пейлоуд – двухэтажный бетонный параллелепипед – включил аварийные генераторы в подвале.

По гладко асфальтированной трассе к центру подошли на небольшой но уверенной скорости один за другим четыре автобуса с красно-белыми эмблемами, и заехали под широкий навес, поддерживаемый цементными колоннами. Под навесом зажглись прожекторы. Из первого и последнего автобуса вышли вооруженные автоматами люди в водонепроницаемых комбинезонах. К ним присоединились вооруженные люди из здания, в прозрачных водозащитных плащах.

Через двери второго и третьего автобуса по одному стали выходить мужчины и женщины в одноцветного покроя одежде, в наручниках.

Внутри Центра везде горели яркие неприятные лампы. Строгая функциональность помещений не удручила гостей – люди привычные. Сорок мужчин и женщин отправились в кафетерий под охраной. Их покормили и распределили по комнатам с решетками на окнах. На следующий день в семь часов утра их собрали в конференц-зале на верхнем уровне. Охрана встала по углам с автоматами наперевес. В зал вошел небольшого роста лысый человек с брюшком, небрежно одетый. Одной рукой он оперся о стол, стоящий по центру у одной из стен, а другой выволок из стояка, привинченного к столу, бревнообразный микрофон.

– Доброе утро, – сказал человек, и голос его, унылый и неубедительный, зазвучал в динамиках. – Меня зовут господин Дуэйн. В следующие три недели я – ваш бог. То, что я говорю – закон. Малейшее нарушение ведет к наказанию и отчислению.

Никто не улыбнулся, не ухмыльнулся презрительно, и вообще никак не отреагировал. Люди еще не ознакомились с обстановкой. Лица изображали тупое бесстрашие. Господин Дуэйн обвел зал привычным взглядом и как всегда ничего нужного выяснить не смог. Он знал, что есть на свете люди, которые по нюансам, по тому, куда смотрят глаза, как двигаются или не двигаются руки, по незначительным отклонениям от стандартной позы, по повороту головы определяют настроения, кругозор, желания, характер человека. Дуэйн не умел, и его это раздражало. Он знал, что будь на его месте другой – разобрался бы во многом сразу. Вот, например, сидит грувель в первом ряду, рожа слегка лошадиная, шатен, телосложение хлипковатое. Глаза округлились слегка. Слабак он или сильный, глупый или умный, верит тому, что я говорю или нет? Не поймешь. Вон тот негр лопухий, развалился, как у себя в хутене. Из низов. Это он притворяется, с вызовом, или же на самом деле плохо воспитан, прямо сидеть родители не научили? Или же вон белая девушка малых размеров, черноволосая, с длинным крючковатым носом – что за экземпляр? А рядом с ней негритянка могучего телосложения – циничная? наивная? Еще негритянка – длинная дылда с выпученными глазами. Кто их разберет. Я три дня изучал их дела, сроки, имена, биографии – зубрил, рассматривал снимки, запомнил много. А вот смотрю на них – и ничего не понимаю. Но это не важно! Главное, что я для них – бог. Как решу с ними, так и будет. И это они должны

усвоить на все время, пока они здесь, какие бы они не были, умные, глупые, злобные, добродушные. Впрочем, добродушных среди них быть не может.

Всех повели на завтрак – и завтрак выдался обильный, с богатым выбором. Омлеты, бекон, ветчина, овощи, хлеб, соки, кофе, и, к удивлению многих – даже пиво! За завтраком люди начали заговаривать друг с другом – сперва с опаской, вполголоса, поглядывая на охрану, затем смелее. Очевидно, разговоры здесь не пресекаются. Кто-то подошел к раздаче и попросил еще пива – и ему не отказали. Выстроилась очередь за «еще пива». Какая-то женщина спросила шутливо, нет ли вина, и раздающий виновато пожал плечами и сказал, что с подвозом не вышло, но обязательно будет к обеду. А что на обед? А на обед стейки, говядина вареная, курица печеная. Вино красное. А белое? Белое реже бывает. Не пользуется популярностью почему-то.

К концу завтрака за одним из столов возникла драка – двое не поделили что-то, кусок торта, а может кругозорами не совпали, и сразу к драке присоединилось еще несколько человек, включая двух женщин. Охрана некоторое время следила за ходом драки, а затем вмешалась. Всем дерущимся надели наручники и вывели их из кафетерия. Кафетерий располагался на первом уровне, недалеко от входа в здание. Оставшиеся в кафетерии различили сквозь шум дождя рев включаемого мотора. Дравшихся увезли.

Вместо господина Дуэйна людей в конференц-зале приветствовал молодой, толстый, потеющий веселый негр в кепке набекрень, с массивной цепью на груди, который весьма толково объяснил собранию строение Солнечной Системы в общих чертах и попросил задавать ему вопросы. Вопросы были. Поток вопросов и ответов все-таки форма цивилизованного общения, к которому у всякого есть тяга, какой бы он не был одинокий волк. К концу лекции грувель с лошадиным лицом задал животрепещущий вопрос – по какому принципу проводится отбор? Ведущий негр сморщил лоб и нос, улыбнулся, и сказал:

– Нет у меня полномочий на это отвечать, грувель. Я бы и рад – но нет полномочий. Уж извини.

Затем были залы физической подготовки, где тренеры гоняли людей от стены к стене, вертели в шарах, поднимали под потолок на трапециях, заставляли прыгать сквозь металлические обручи под напряжением, приседать, отжиматься на руках, и прочая, и прочая. Все прибывшие оказались людьми спортивного сложения, трудностей не возникло. После перерыва и легкого ленча в кафетерии последовала индивидуальная подготовка – по два человека на помещение, с охраной и одним инструктором. Инструктор объяснял и показывал – основы управления техникой в Пространстве, а также коснулся посадки и взлета, и пообещал, что завтра остановится на этой теме подробнее.

Перед ужином снова появился господин Дуэйн и объяснил всем, что не знает, для чего, но в программу введено посещение библиотеки в верхнем уровне, с восточной стороны. Там работает библиотекарьша, прошедшая курс психологии. Она задает вопросы и по ответам определяет, что людям больше всего подходит для чтения. Книги печатные, электронные читалки не полагаются.

– Дубстер, – сказал негр, любящий сидеть развальясь, грувелю с лошадиным лицом, – тебе этот господин Дуэйн не кажется подходящим кандидатом для взятия в заложники?

– Не кажется, – ответил Дубстер. – Ты, Дауди, поменьше бы болтал.

– Краут задержался в библиотеке, – сообщил Дауди. – Читает роман про древних рыцарей. Охрану утомил, они там вчетвером вокруг него стоят со значением. Хотят в бар идти, а он ни с места.

– Не думаю, что здесь в округе есть бар, – заметил Дубстер.

– В кафетерии можно выпить. Но Краут упрямый. В общем, Дубстер, пойдем-ка мы с тобой почивать на соломку.

При этом глаза Дауди указали в направлении закутка в коридоре возле лестницы, где никакой соломки не было. Дубстер помедлил, но все-таки пошел за Дауди. В закутке Дауди наклонился к самому уху Дубстера.

– Ну, я понимаю, Краут – он такой. А ты-то чего торчал в читальне? – спросил Дауди.

– Да вот люблю полистать книгу на досуге, – также тихо ответил Дубстер. – Много интересных историй написано, знаешь ли.

– Грузди, Дубстер. Я видел у тебя в руках пособие по управлению вертолетом. Ежели задумал чего, то говори.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться и когда.

– Ага. Ну, хорошо. Вот что, Дубстер, я думаю, сынок, что момент спрыгивать с телеги настанет, когда нас будут переводить отсюда на звездолет.

Слово «звездолет» в исполнении Дауди звучало издевательски.

– Ну? – сказал Дубстер.

– Ты видел, когда нас из автобуса выводили? Звездолеты стоят справа, все пять штук. Там же охрана, и несколько джипов. Берем у охраны колеса. Прихватываем Дуэйна. И идем себе вдоль берега. Там дальше местность с горами, холмами и деревьями.

– Индейка ты трясущаяся, – сказал Дубстер.

– Не хами, сынок.

– Кому нужен Дуэйн? Бесстрашная охрана с удовольствием даст по нему очередь. Искать надо труднозаменимых. А я пока что таких здесь не видел. Тут всё очень хорошо продумали. А ты вбил себе в башку, что по-прежнему сидишь в тутумнике, и охраняют тебя дяди, каждый из которых мечтает перевестись в гепарды. Так думать вредно, Дауди.

– Что ты предлагаешь? Действительно, что ли, лететь на Ганимед? Ты веришь в эти сказки про свободу за служение и два миллиона при расчете?

– Не знаю.

– Не будь идиотом, Дубстер. Грузди это всё. Почти два года в Пространстве – здоровым никто не вернется. Член стоять не будет, это точно. Зубы-волосы выпадут, нос отвалится...

– То при сифилисе. В космосе сифилиса нет.

– Вот всегда ты такой. Тебе бы такое на футболке написать и на парад выйти, Дубстер – «В космосе сифилиса нет!» Я не собираюсь здесь погибать в столь юном моем возрасте, и тебе не советую, но если будешь упрямиться – найду еще кого-нибудь в партнеры.

– Краута.

– А хоть бы и Краута. Он книжки читает, он умный, он наверняка знает, чем этот вояж нам грозит. Вот ты скажи – на Ганимед мотаются уже двадцать лет, из семи разных стран. Скажи – почему никто из вернувшихся не выступает по телевизору? Не пишет мемуары? Почему их нигде не встретишь? А, сынок? Это же не сериал былых времен о путешествиях к далеким галактикам, это настоящее шоу, из жизни – всем интересно. Но все молчат.

– Это они тебе пример подают, Дауди. Болтал бы меньше, слушал бы больше, глядишь и поумнел бы.

– Ладно. Даю два дня на раздумывания, белый брат мой.

– Да не надо мне. Если хочешь знать, самый удобный момент для побега – во время лекции в конференц-зале. Народу много, лектор охрану усыпляет за десять минут. Решеток нет, карниз широкий, если на руках повиснуть – до земли метра три.

– Ты серьезно? – Дауди прищурился.

– Не очень. Но это практичнее, чем то, что предлагаешь ты.

Небольшое помещение, куда привели Дубстера, напоминало звуконепроницаемые камеры для допроса в участке. Стол такой же, два стула, направленный свет сверху, окон нет, камера слежения под потолком. Дубстер присел на край стола и стал ждать. Вскоре дверь открылась, и в комнату вошел...

– А, вот кого не ждали! Сам, лично капитан Доувер! Приветствую, – сказал Дубстер, не меняя позы.

Доувер, мулат чуть за тридцать, крепко сбитый, коротко остриженный, в военной форме, закрыл дверь, потянулся к потолку, выдернул из камеры шнур, обошел стол, и сел.

– Здравствуй, Дубстер. У меня к тебе дело.

– Не может быть.

– Мне нужен верный человек.

Дубстер промолчал.

– Дело секретное.

Дубстер снова промолчал.

– Риск не очень большой.

Дубстер оскалился.

– А выгода большая, – заключил Доувер.

– Капитан, – сказал Дубстер, – идите-ка вы от меня со своими делами...

– Не спеши, Дубстер.

– Мне обещали, что меня отправят на Ганимед. И тоже сказали, что дело. С риском связанное. Я не собирался, мне и в Горной Земле было неплохо.

– Ганимед от тебя не уйдет. Мое дело именно с Ганимедом и связано.

– А, даже так.

– Да. По выполнении моего задания ты получишь три миллиона сверх обычного вознаграждения, и чистый лист. Совсем чистый. Жить можешь где угодно. Не нужно будет возвращаться в Горную Землю. Единственное условие – нужно чтобы ты не появлялся в Йоганнесбурге или в Кейптауне. Можешь уехать – хоть в Англию, хоть в Америку, хоть в Португалию. Даю две минуты на обдумывание. Соглашайся или отказывайся.

А капитан, стало быть, работает на Пейлоуд, подумал Дубстер. Ишь ты, такой весь чистый, не человек, а свод армейских правил, а вот поди ж ты. Не ожидал. Если я соглашусь, он мне расскажет суть дела, и, судя по всему, знать эту суть опасно.

Чего это я им понадобился? Что такого нужно сделать на Ганимеди? Замочить кого-то? Никакие важные люди на Ганимед не летают, а если убрать кого-то из экипажа, например, буде он слишком много знает, сделать это можно гораздо менее экзотическим способом. Например, при пересадке в пространстве – выкинуть ... в отходный люк, или чего у них там ... нам пока что не объяснили...

Ну, допустим, он мне что-то вещает, какую-то тайну великую. Я справляюсь с «заданием» успешно. Что мне светит после этого? Уберут меня при первой же возможности, не так ли?

– Нет, не хочу, – сказал он.

– Никто тебя убирать не будет, – заверил его Доувер. – Незачем. Лишняя трата ресурсов. Если и расскажешь кому-нибудь – не поверят.

– Журналисту, например?

– Журналист, который об этом напишет статью, вылетит с работы, и вряд ли найдет другую. Все журналисты прекрасно это понимают. Не девятнадцатый век на дворе, Дубстер. А, да, и девушку твою освободим. И чистый лист у нее будет.

– Девушку? – удивился Дубстер.

– Как ее ... Ридси, кажется? Да, точно. Ридси. Освободим.

При чем тут Ридси, подумал Дубстер, я эту Ридси и не видел-то никогда, только слышал разное. Но разубеждать капитана он не стал.

– Две минуты прошло. Согласен?

Дубстер улыбнулся мрачно.

– Понятно, – сказал капитан. – Дело такое, Дубстер. По подсчетам количество вещества, которое мы добываем на Ганимеди, стремительно уменьшается там, где мы его добываем.

– Гелий-двадцать? – спросил Дубстер небрежно.

Капитан нахмурился.

– Обойдемся без груздей, Дубстер. Гелий-двадцать не добывают, его синтезируют, и, помимо этого, гелий-двадцать – сленговое название. Ты ведь, вроде, уже неделю здесь околачиваешься, мог бы чему-нибудь научиться у инструкторов. И я уверен, что научился.

– Ладно, – сказал Дубстер.

– По непроверенным сведениям на некотором расстоянии от того места, где мы добываем указанное вещество, есть так называемый РВК, или регион высокой концентрации. Его пока что не застолбили, потому что о нем не знают. Нужно застолбить. Но сделать это нужно с опаской. Ты должен будешь, никому ничего не говоря, отлучиться, добраться до нужного места, и записать координаты. В общем, это всё.

– Всё?

– Ну, еще вернуться нужно будет.

– А что я скажу остальным?

– Что ушел на задание.

Дубстер скосил глаза на камеру под потолком.

– Нас никто не слушает? – спросил он.

– Нет.

Капитан даже не понял сперва, что именно произошло. Только что он стоял перед столом и смотрел на Дубстера. Теперь он лежал на столе плашмя, лицом вниз, и его собственный личный пистолет приставлен был к его же, капитана, шее.

– Вещай все как есть, – сказал Дубстер. – На самом деле. Мне-то терять нечего, а тебе, кажется, повышение скоро дадут. Вещай, вещай.

– Дурак ты, Дубстер, – сказал Доувер.

Дубстер приподнял голову капитана и долбанул его лицом в стол. Не очень сильно.

– Обойдемся без груздей, как ты и сказал, Доувер. Вещай.

– Я тебе поведал все как есть! Идиот!

Дубстер распрямился и отпустил капитана. Пистолет, вернув предохранитель в изначальное положение, он положил на стол.

– Действительно никто не слушает, – сказал он. – Какая радость. А только деньги вперед, солдат.

Капитан некоторое время ошарашенно смотрел на Дубстера. Взяв со стола пистолет, он небрежно сунул его в кобуру. Потер шею.

– Подонок, – сказал он. – Неисправим ты, Дубстер.

– Деньги вперед, – повторил Дубстер.

– Хорошо. Впрочем, нет, не очень хорошо. Половину.

– Нет.

– Полтора миллиона. Плюс обещанное официально. На любой счет.

– Цифровой.

– Естественно.

– Мне дадут возможность связаться с одним человеком, – сказал Дубстер. – И когда деньги уйдут с цифрового счета, и человек этот скажет, что все в порядке, то...

– Никаких проблем, – мрачно сказал капитан.

Два дня спустя в одном из помещений подвала Центра Подготовки Дубстера некоторое время без особой жестокости били двое мясистых сержантов, а потом положили на спину. Сверху возникло лицо капитана.

– Во всем должен быть порядок, хонник ебаный, – сказал Доувер. – Ничего личного. Вот тебе мобильник, звони своему знакомому.

Мобильник упал Дубстеру на живот. Дубстер собрался с силами и принял сидячее положение.

На инструктаже по психологической совместимости присутствовала треть всех кандидатов. Какие критерии использовались при отборе именно этой трети кандидаты не знали. Роль инструктора исполняла пожилая толстая дама с противным высоким голосом, тонкими губами, пухлыми запястьями и недобрым огнем в маленьких глазках. Голос звучал монотонно, усыпляюще. К тому ж кондиционер в помещении работал нехотя. Слушатели вникали всё свирепее, всё больше округлялись глаза, пока не стали сами собой закрываться.

– А также, – гудела монотонно-скрипуче инструкторша, – обратите внимание на эту часть слайда. Здесь изображен молодой человек, у которого много разных мыслей на уме, а к нему подходит его коллега, явно невыспавшийся...

«Ууу, явно невыспавшийся» – звучало в мозгу у Дауди. «Коллега кому подходит, белагра, грузди ... стерва жирная ... и вызывает у него раздражение ... жение...»

Дверь открылась. Вошел средних лет хонник, лысый, в галстук, с отвислыми брылями. Дауди заставил себя открыть глаза полностью и рассмотреть мужчину. Где-то он видел его фотографию ... или по телевизору показывали ... Дубстер, за два кресла от Дауди, тоже явно рассматривал мужчину и старался вспомнить, где он его видел ... Нет, понял Дауди, не старается он, не нужно ему стараться – Дубстер знает, кто это такой. Позволь, я тоже знаю. Прекрасно знаю. Дубстер не изменил позу, но явно напрягся. Ему явно не скучно. И мне теперь совсем не скучно.

Дауди расправил плечи, встряхиваясь, и безмятежным взглядом обвел небольшое помещение. Кому еще не скучно? Нет, все сидят ослепелые. Особенно вон та девица, маленького роста, хонница с очень черными волосами и крючковатым носом. Не толстая, но жопа объемная. Сейчас уснет. Ее я тоже где-то видел. Может, она просто разыгрывает ослепелость, уж больно нарочито клюет крючковатым носом. А может и нет.

– Я не помешаю? – спросил вошедший. – Извините меня пожалуйста, инструктор. Мне иногда интересно прочувствовать некоторые аспекты...

– Нисколько, господин Манн, нисколько, – прогундосила инструкторша, поводя жирными плечами. – Вот свободное кресло. Вернемся к предмету, люди. Итак, когда вы поняли, что коллега ваш в раздражении, не следует усугублять...

Чего ждет Дубстер? Может, он ждет, пока все уснут? Нет, не похоже. Приход господина Манна внес некоторое оживление, а оживление в сонном помещении сродни замешательству, и Дубстер собирается этим воспользоваться. А может мне все это кажется. Может, я сам себя уговариваю таким образом. Подгоняю ... как это говорят? ... подгоняю факты под идею. Но один я не смогу ... ну же, Дубстер. Делай что-нибудь. Что ж ты сидишь!

Дубстер перешел к действию мягко, по-кошачьи – только что сидел, и вот уже бежит, и прыгает – на охранника в углу. Охранник даже не понял, что нужно реагировать. Не успел.

Прямой удар. Охранник качнулся назад, большой такой человек, серьезный, и Дубстер, хватая автомат охранника обеими руками, ударил этим автоматом снизу вверх, охраннику в подбородок.

Перепрыгнув через кресло, Дауди метнулся в противоположную от Дубстера сторону. Охранник, увлеченный зрелищем схватки коллеги с раздраженным Дубстером, оказался к этому еще менее готов, чем давеча его коллега.

Третий охранник, в другом углу, снял автомат с предохранителя и наверняка уложил бы либо Дауди, либо Дубстера, но сонная жопадая девица с крючковатым носом в два движения переместилась к нему и врезала ему ногой в пах, одновременно хватая автомат за дуло. Охранник взвыл, повел автоматом, и девица засветила ему в глаз.

Четвертый охранник, на которого никто не напал, наверняка поднял бы тревогу, если бы Дубстер не схватил господина Манна за воротник и не приставил ему дуло к шее.

– Оружие на пол, – сказал он негромко, но очень внятно.

Охранник засомневался, но в этот момент Манн крикнул:

– Бросайте! Вы же слышали – оружие на пол!

Охранник бросил автомат. Девица, врезавшая и засветившая, отобрала наконец автомат у увечного. Остальные присутствующие продолжали сидеть, уже не сонные, заинтересованные, но не решающиеся перейти к серьезным действиям. В зелайфе по большому счету, как и в обычной жизни, каждый за себя.

– Я вызову ... – начала было инструкторша, но Дауди, подойдя к ней, схватил ее за нос и крутанул. Она ойкнула и отступила на шаг, и наткнулась массивным задом на край стола с проектором, и он хлопнул ее не очень сильно по щеке.

– Ко мне, – сказал Дубстер, выдергивая господина Манна из кресла. Имел в виду он, конечно же, Дауди и девицу. – Спокойным шагом. Остальным сидеть по местам.

Девица и Дауди, подняв автоматы, вышли за Дубстером и Манном – боком, поводя дулами.

По коридору через холл прошли спортивно, пружинисто.

– Скажи им, что не стреляли, – велел Дубстер Манну.

– Не стреляйте! – крикнул Манн охране у выхода.

– Прикройте меня, – велел Дубстер девице и Дауди.

Было пасмурно. Звякнул и задребежал сигнал тревоги. Дубстер и раздраженные коллеги пересекли по диагонали сквер перед зданием Центра. Четыре джипа стояли рядом у взлетного поля. Дубстер затолкал Манна на заднее сидение. Дауди нырнул открытому джипу под руль, и тут же грохнула первая очередь от здания, и несколько пуль ударили в джип, и Манн заорал «Не стреляйте!» страшным голосом. Дауди закоротил зажигание. Девица, прятавшаяся за правым бортом джипа, перескочила через борт и легко, несмотря на пухлый свой зад, приземлилась на пассажирское сидение рядом с Дауди. Дубстер сел на заднее рядом с Манном. Дауди включил заднюю передачу и лихо развернул джип мотором к Центру.

– Пригнулись! – крикнул он.

Взревев форсированным двигателем, джип рванулся с места.

– Прямо сейчас! – крикнул Дауди. – Головы вниз!

Девица, Дауди, и Дубстер нырнули, оставив на виду одного Манна, снова заоравшего «Не стреляйте! Я здесь! Алек Манн!» Дауди распрямился, крутанул руль влево, и выехал на пропускной пункт. С переключением скорости он чуть поспешил, трансмиссия скрежетнула, но все-таки поймала ритм, и укрепленным чугунными «рогами» на передке джип разнес новенький шлагбаум в щепки.

Дождь накрапывал слегка, равнодушно. Прямой отрезок дороги растянулся на три мили. Погоню они увидели минуты через полторы.

– Господин Манн, у вас нет случайно связи с собой? – осведомился Дубстер. – Ответьте быстро и отчетливо.

– Есть, – отчетливо ответил Манн.

– Связывайтесь с начальством. Скажите им, что если не отвяжутся, то живым они вас не увидят. А если дадут нам уйти, мы вас отпустим.

– А вы действительно меня ... отпустите?

– Зачем Вы нам? Лишнее убийство – лишние неприятности. Валяйте, связывайтесь.

Манн выпростал из внутреннего кармана связь и набрал номер.

– Срочно позовите коменданта Уилсона. Срочно! Говорит Алек Манн. Я с беглецами. Срочно!

Развернувшись, встав на колени на пассажирском сидении, и взявшись одной рукой за спинку, девица внимательно вглядывалась в дорогу позади.

– Два джипа, – сообщила она. – Нет, три.

– Уилсон? Манн говорит! Они меня отпустят, если ты отзовешь погоню! И наверняка убьют, если ... А?! ... Отзови погоню, Уилсон! Какой еще вертолет!

– Одну минуту, – прервал его Дубстер. – Смотрите мне в глаза, Манн.

– Подожди, – сказал Манн в трубку и стал смотреть в глаза Дубстеру.

– Если я увижу вертолет, или просто услышу шум вертолетного мотора ... знаете, вертолетные моторы, они не очень большие. У среднего вертолета мотор размером с рюкзак школьника. Но, конечно у военных массивнее моторы ... Так вот, если я только услышу вертолет, я отстрелю вам яйца, господин Манн. А если увижу, то сделаю я с вами такое, что, возможно, даже изобретатели китайских пыток сочли бы негуманным.

Дубстер улыбнулся. Манн закричал в трубку:

– Никаких вертолетов, слышишь? Убери погоню сейчас же! А? Дурак! Убери погоню!

– Дауди, там впереди ответвление, – сказал Дубстер. – Замедлись.

– Откуда ты знаешь? – удивился Дауди.

– Изучил местность.

– Когда? Где?

– В Горной Земле. Замедлись, идиот!

Дауди сбавил скорость.

– Ответвление где-то слева. Проселочная дорога, и там подъем сразу, – предупредил Дубстер.

Расстояние между ними и погоней начало сокращаться.

– Придется вас застрелить, – сказал Дубстер Манну.

– Прекрати погоню! – заорал Манн в трубку. – Уилсон, слышишь? Прекрати! Сейчас же, блядь! Сейчас же!

– Не пропусти ответвление, – напомнил Дубстер. – Если пропустишь, нам белагра.

Дауди искал глазами ответвление. Справа по ходу наметились холмы с порослями. Погоня приближалась.

Девица вскинула автомат и прицелилась.

– Пригнитесь, – крикнула она Дубстеру и Манну.

– Уилсон! Уилсон! – кричал Манн, пригибаясь и зажмуриваясь.

Дубстер пожал плечами и тоже пригнулся.

Девица дала очередь, и с погоней что-то случилось. Дубстер приподнялся и вгляделся. Судя по тому, как разъехались в разные стороны фары погони, один из джипов перевернулся, и остальные его попытались объехать, и, возможно, не все сумели это сделать.

В этот момент Дауди заметил слева ответвление, переключил скорость, и выскочил на проселочный грунт, глинистый, влажный и опасный. Джип подкинуло несколько раз, но Дауди ловко управился с рулем и трансмиссией, и они не перевернулись. Дорога дей-

ствительно, как обещал Дубстер, пошла круто вверх, и двигатель зарычал профессионально, демонстрируя готовность к любым трассовым трудностям.

Капитан Доувер сверлил коменданта глазами.

– Меня не интересует, почему вы прекратили погоню, Уилсон, – сказал он зло. – Меня интересует, почему им дали выбраться из здания.

– Они взяли господина Манна заложником...

– И что же?

– Они бы его убили.

– Не велика ценность.

Комендант, хоть и был напуган, удивился.

– Но как же, капитан ... ведь господин Манн...

– Что?

– Он ведь ... э ... важный ... важная фигура?

– В каком смысле?

– Ну ... он ведь ученый.

– Так. И?

– Ну, не знаю. Говорили, что он великий ученый?...

– Чем же он великий?

– Ну, я не эксперт ... но ведь ... это все знают ... Он изобрел...

– Изобрел? Манн что-то изобрел. Что именно?

– Не уверен ... Гелий-двадцать?

– Вы недалекий человек, комендант. Гелий-двадцать никто не изобретал. Это просто смесь такая, с неофициальным комическим названием. Ее вам любой школьник приготовит на уроке химии. Подобрали оптимальный катализатор, но это опять же сделал не Манн, а какой-то его лаборант прыщавый. Господин Манн долго сопротивлялся подаче заявки. И согласился, что все расчеты принадлежат лично ему, только когда опыты доказали промышленную состоятельность катализатора. И было это двадцать четыре года назад, и с тех пор многое изменилось. В том числе и катализатор. Он нынче другой совсем.

Лицо коменданта искривилось.

– Но ведь ... Я сделаю так, как вы хотите, капитан ... Я не сомневаюсь в вашей компетентности...

Капитан пожал плечами.

– Может ... возобновить? ... – спросил с надеждой Уилсон.

– Погоню? Нет, поздно. Стадия погони завершена. Началась стадия поисков.

Доувер сел в кресло напротив коменданта и некоторое время напряженно думал. Комендант не знал куда себя девать, мучимый стыдом и страхом.

– Вот что, – сказал наконец Доувер. – Вы временно передаете власть над Центром мне. Ни правительство, ни даже Пейлоуд ни о чем не узнают. Охрану проинформируем по минимуму. По хутеням никого не отпустим пока что. Беглецов я найду ... к утру, не раньше. И когда вас спросят впоследствии, были ли происшествия, вы сделаете вид, что ничего не знаете, ничего не слышали, все в порядке.

– Трудно, – сказал комендант. – Слухи пойдут...

– Не пойдут, – заверил его Доувер. – Ни правительство, ни Пейлоуд не заинтересованы в безосновательных слухах, от которых никому нет выгоды. Если все ваши подотчетные находятся, где им положено, проходят инструктаж, летят на Ганимед – придираться

не к чему. А если пострадает господин Манн, скажем, что произошел несчастный случай. У него тут лаборатория неподалеку, устроим там взрыв, и тело его там найдут ... ничего страшного. Остальных я возьму живыми. И они продолжают подготовку, и в нужный срок отправятся на Ганимед.

– У нас завтра инспекция, – тихо сказал комендант.

– Инспекция?

– Международная.

– От ООН?

– Да.

– Во сколько?

– В три часа дня.

– Чтоб им всем ... – Доувер сжал губы. – Бездельники ... Думаю, что успею. Но охрану придется информировать вам, я буду занят поисками. Постарайтесь не наговорить лишнего.

Зачастил ливень. Пещера, не пещера – углубление в расщелине – неплохое укрытие, вот только джип очень на виду, в расщелину не помещается. От камней веет холодом. Костер соорудить не из чего, голые камни, да и опасно – дым будет виден. Полевой фонарь с аккумулятором обнаружился под задним сидением джипа – и ладно. Подложили куртки, сели. Манн в добротном профессорском костюме – длинный пиджак, льняные темные брюки – сел прямо на землю и обхватил колени руками. И поймал на себе недовольный взгляд Дубстера. Что именно не одобрял Дубстер, он не понял, но ужас, и без того его терзавший все это время, усилился. Ужас беспомощности и неопределенности положения.

– Я вам гарантирую свободу, если вы меня отпустите, – сказал Манн в пятый раз. И снова никто не обратил на его слова никакого внимания. Неизвестность пугает больше, чем откровенная угроза. – Вы слышите? Я сказал...

Дауди долбанул его кулаком в ухо, и Манн заверещал.

– Заткнись, – сказал Дауди.

Сев в позу лотоса, Дубстер стянул с себя мокрую куртку и майку, расправил плечи, потер коротко стриженную голову ладонями, снял кеды, пошевелил пальцами ног. Дауди скинул куртку и стал ее выжимать по малому, дюйм за дюймом. Девица на всякий случай решила ничего с себя не снимать.

Вытащив из автомата магазин, Дубстер выпростал из него патроны и пересчитал. Заправил обратно. Положил автомат рядом с собой.

– Джип придется здесь бросить, – сказал он, ни к кому не обращаясь.

– Куда идем? – поинтересовался Дауди.

Дубстер помолчал, поводит бровями, почесал ухо.

– Железная дорога. Километров семь по склону.

– Нас там наверняка ждут.

– Это не пассажирская ветка, там только товарняки идут на малой скорости.

– Тем более ждут.

– Может и ждут.

– Я предлагаю вам самый лучший план, – сказал Манн. – Используйте меня, как прикрытие. Свяжитесь с Центром...

– Вроде бы я велел тебе заткнуться, – напомнил Дауди.

– Ты зря выбросил мою связь...

Дауди схватил его за горло.

– Можно было бы ... – прохрипел Манн.

– Заткнись, мурло! – велел Дауди. – Не лезь со своими груздями, понял?

Он встряхнул Манна.

– Как тебя зовут, красавица? – спросил Дубстер.

Девушка некоторое время медлила с ответом.

– Ридси, – сказала она, ни на кого не глядя.

Дубстер повернулся к ней всем телом.

– Ну да? – удивился он. – Та самая Ридси?

Девушка уперлась подбородком в колени и не ответила.

– Капитан мне сказал, что мы с тобой в каком-то деле участвовали вместе.

– Ты ему поверил?

Дубстер хмыкнул.

– Вы дураки, все трое! – закричал Манн. – Вас все равно поймают! Вы...

Дауди поднялся на ноги, взял Манна за воротник, и поволок к выходу из пещеры. Манн сопротивлялся беспорядочно и пытался выкрикнуть что-то.

Дубстер осмотрел свои кеды и снова их надел.

– Куда это он его? – спросила Ридси на всякий случай.

Дубстер не ответил. Он – не информационное бюро, не путеводитель по реалиям мужских тутумников. Когда кто-то, не умеющий дать сдачи и не готовый умереть за свое место под солнцем продолжает вякать, его опускают во имя восстановления порядка и тишины. Говорить имеют право только те, кого опустить нельзя. Остальные говорят только когда их спрашивают. В женских тутумниках такая практика тоже есть, правда, не настолько распространенная.

Ридси все это знала и так. А спросила, чтобы разрядить напряжение. С некоторой опаской Ридси следила за действиями Дубстера. Он помассировал себе икры и бедра, поводит торсом, поднялся, потянулся. Еще раз расправил плечи.

– А тебя как зовут? – спросила она.

Дубстер запрокинул голову и некоторое время водил ею из стороны в сторону. Помассировал себе крепкие бицепсы. Несколько раз глубоко вдохнул. Пригнулся, распрямился.

– Нужно кровь разгонять, – объяснил он. – Очень влажно нынче.

Он подобрал автомат, еще раз вынул и вставил магазин, и снял автомат с предохранителя.

– Дубстер меня зовут, – сказал он и вышел из пещеры.

Ридси схватила свой автомат, проверила затвор, поднялась на ноги, согнула и разогнула затекшие колени, вытерла лоб и нос тыльной стороной руки, и отошла от фонаря к стене, в тень.

Вне пещеры прозвучал одиночный выстрел. Ридси напряглась и направила дуло на вход в пещеру. Долго никто не появлялся. Очень долго. У Ридси возникло сильное желание выйти и посмотреть, что происходит, и она его подавила, и сказала себе, что будет стоять здесь всю ночь, весь следующий день, неделю, год – если нужно.

Наконец Дубстер вернулся – с автоматом за спиной, с мокрой мятой одеждой Манна в руках. Бросив одежду рядом с фонарем, он сдвинул ремень автомата, захватил приклад правой рукой, демонстративно снял предохранитель, и глянул на Ридси. Дуло автомата Ридси шевельнулось. Дубстер пожал плечами и занял прицельную позу. Ридси тут же среагировала. Промануться с такого расстояния было невозможно. Она и не промахнулась. Просто в магазине не оказалось патронов. Ридси щелкнула затвором, широко открыла глаза, и собралась было швырнуть автомат в Дубстера, но он хмыкнул и опустил ствол.

– Не нервничай, – сказал он.

– Подонок! – сказала она. – Сука!

Он пожал плечами, положил свой автомат на землю, и, сев возле фонаря, потянул к себе пиджак Манна, поднял, и начал внимательно осматривать. Ридси прикинула, как бы мимо него проскочить.

– Не дергайся, тебе говорят, – без злобы сказал Дубстер. – Ты мне не мешаешь. Будешь дергаться – пристрелю. А так – сиди себе спокойно. До утра.

– А утром пристрелишь?

– Не решил еще. Скорее всего нет. Если ты не врешь, что ты – Ридси, то зачем же? Продвигаться нам придется в Преторию. В Претории, судя по тому, что я о тебе слышал, у тебя много знакомых. А у меня никого.

– Зачем тебе мои знакомые?

– Паспорт мне нужен. Кстати говоря и тебе тоже. Сделаешь?

– Может и сделаю. А что с яйцеголовым?

Дубстер вытащил из пиджака Манна кошелек и склонился возле фонаря, рассматривая содержимое.

– Дауди перестарался, – сказал он. – Придушил человека невзначай. Вообще-то мужская любовь – извращение, поэтому аварии вполне ожидаемы. Многие штрихи не считают это гомосексуализмом, но это потому, что они тупые.

Некоторое время они молчали. Дубстер откладывал в сторону визитные карточки, кредитки, какие-то чеки.

– А ты, значит, никогда этим не занимался? Никого не опускал? – спросила Ридси.

– Не-а. Мне всегда баб хватало. Письма писали, на свидания приходили. В остальное время самоконтроль – первое дело.

Не очень понятно было, серьезно он говорит, или саркастически. Раскрыв один из компартиментов кошелька, он вытряхнул на землю несколько крупных купюр.

– Мало, – посетовал он обыденным тоном. – Я думал, он больше с собой носит. Сколько нынче стоит паспорт?

– Смотря какой, – рассудительно откликнулась Ридски, удовлетворенная тем, что Дубстер поддерживает разговор. Оно так спокойнее. – Если африканской страны, то не очень дорого. А за Содружество и Штаты дерут раз в пять больше.

– Значит, – заключил Дубстер, – придется сходить на дело какое-нибудь.

– Почему у меня магазин пустой? – спросила Ридси, стараясь, чтобы голос звучал сварливо.

Дубстер улыбнулся, не глядя на нее.

– Был почти полный. Теперь пустой, – повторила она.

– Что ж ты меня, за дурака, что ли, держишь?

– Ты вытащил патроны? Когда ты успел?

Дубстер посмотрел на нее и сделал многозначительные глаза. Ридси насупилась. Подумала и улыбнулась, показывая мелкие зубы.

– Старое вспомнил, – объяснил он, рассматривая кредитку. – В свое время я начинал карманником. Ловкие пальцы. – Он поводил пальцами перед лицом. – Если бы мои родители были богатые, я бы стал пианистом или фокусником. Говорят, пианисты неплохо зарабатывают ... Так ... Ботинки яйцеголового. Мне явно не подойдут. Но пиджак как раз. Узковат, но по длине сойдет. Майку оставляю. Сверху пиджак. Буду делать вид, что я немецкий турист. Ты по-немецки говоришь?

– Нет.

– Жаль. Ладно. Нам с тобой нужно согреться, чтоб к утру насморка не было. Можно было бы, конечно, попытаться идти прямо сейчас, но в такой темени, под дождем, обязательно заплутаем. Выступим, как светать начнет. Иди сюда.

В семь часов утра двое заспанных инспекторов ООН прибыли в Центр Подготовки. В приемнике уполномоченный включил планшет. Ему показали удостоверения. Он кивнул. Инспекторы сунули удостоверения во внутренние карманы пиджаков. Уполномоченный спросил:

– Фамилия?

Инспекторы переглянулись удивленно.

– У вас есть наши фамилии.

– Я всего лишь выполняю свою работу. Фамилии ваши сложные, произнести их трудно, запомнить невозможно. Говорите фамилии. По буквам. Вот вы сперва.

Указательным пальцем он показал на живот рыжего инспектора. Рыжий инспектор посмотрел надменно на палец.

– Пиздыкин, – сказал он сердитым голосом.

– По буквам.

– Пи, ай, зет, ди, уай, кей, ай, эн.

– Сложная фамилия. Русская?

– Украинская.

– Вы – украинцы?

– Нет, мы русские. Но фамилия украинская.

– Слишком сложно для меня. А ваша фамилия? – он посмотрел на чернявого.

– Жопский, – сказал чернявый, не менее сердито, чем рыжий.

– По буквам.

– Зет, эйч, оу, пи, эс, кей, уай.

– Это проще. Вот вам пропуска.

Он нажал на кнопку, и принтер за его спиной зашуршал, выдавливая из себя временные пропуска. Следовало снять защитный лист и приклеить прямоугольный пропуск с фамилией себе на видное место – на грудь, на лацкан...

– На лоб, – предложил назвавшийся Пиздыкиным.

Назвавшийся Жопским так и поступил. И тогда Пиздыкин тоже приклеил пропуск себе на лоб. Уполномоченный безучастно следил за их действиями.

– Сперва туда, – показал он рукой. – Пропускной пункт.

– Нам нужно осмотреть взлетные аппараты.

– Туда, – непреклонно ответил уполномоченный.

– Это просто формальность! Что вы нам головы морочите! Мы приехали к вам в такую рань...

– Ваше появление здесь – тоже простая формальность, – парировал уполномоченный, обнаруживая знание жизни и общую суть бюрократических процедур. – Я всего лишь свою работу выполняю.

Капитан Доувер проверил затвор пистолета, сунул запасную обойму в карман, и вышел в приемную, намереваясь присоединиться к ждущему его у входа сержанту и помочь поисковой команде личным присутствием. Следовало все уладить до прибытия инспекторов из ООН.

– Как дела? – спросил он уполномоченного.

– Инспекция прибыла, – тут же сообщил уполномоченный.

– То есть как! Семь утра!

– Да, капитан. Раньше срока. Эффект неожиданности, наверное.

Капитан зашел за конторку уполномоченного и глянул на экран планшета.

– Где они сейчас?

– В пропусчном.

– Черт знает, что такое ... Подожди, подожди ... Это что же – фамилии их?

– Да.

Капитан что-то быстро соображал. Уполномоченный смотрел подобострастно.

– А ну, – сказал капитан, – вызови их обратно. Сюда. Вызывай, вызывай.

Уполномоченный включил связь. Через некоторое время рыжий и чернявый вернулись в приемную с временными пропусками на лбах, в сопровождении охранника. Капитан кивнул охраннику, и тот вернулся на пост.

– Здравствуйте, господа инспекторы, – приветствовал их капитан. – Интересный у вас вид. Меня зовут Капитан Доувер. А вас как?

Рыжий, улыбаясь саркастически, ткнул пальцем в пропуск у себя на лбу.

– Понятно, – сказал капитан, вытаскивая связь. Некоторое время он искал нужный номер. – Доброе утро, – сказал он. – Говорит Капитан Доувер из Центра Подготовки Пейлоуда. Мне нужно срочно переговорить с главой департамента Морисом Дювалье.... А мне все равно, спит он или нет. Будите, иначе будете уволены вместе с ним. Уверю вас. Будите прямо сейчас, и на эту линию его переключите. Даю вам ровно одну минуту.

Он замолчал. Инспекторы переглянулись.

– А в чем дело? – спросил рыжий, начиная нервничать.

– Это мне и хотелось бы выяснить, господин Пиздыкин, – заверил его Доувер. – И я выясню. Помолчите.

– А мы не влипли? – спросил по-русски чернявый.

– Не волнуйся, – сказал ему рыжий, волнуясь.

– Капитан, мы ничего такого не имели в виду, – сказал чернявый, отлепляя пропуск ото лба. – Мы...

– Помолчите, – начальственно произнес Доувер, и добавил по-русски, – Рты засу-
поньте. – Инспекторы ошарашенно переглянулись. В глазах их засветилось влажное отча-
яние. – Господин Дювалье? Капитан Доувер говорит. Передо мной стоят два инспектора,
которых вы к нам послали. Скажите, господин Дювалье, вы считаете, что Пейлоуд – это
комическая организация? Мы, по-вашему, на юморе специализируемся? Не надо заверений,
просто «да» или «нет». Ах нет, не считаете? Тогда почему же сотрудники ваши приходят
к нам и ведут себя как шуты? Да еще и пытаются нас дезинформировать? ... А? ... С помо-
щью подложных фамилий ... Да, подложные. Вот например, одного из них зовут ... хмм
... ну, скажем, Кантфилд, если употребить английский эквивалент. А второго ... ну, скажем,
Ассхоулсон. А? ... Может, ваш департамент находит это забавным. А мы вот не находим. Ага.
Нет, мне не нужны ваши извинения. По протоколу мне следует обратиться в вышестоящую
инстанцию и объяснить ситуацию ... А? Я понимаю, что вам неудобно и вы не знали. Что ж.
Я готов пойти вам навстречу. Да. Нет, завтра меня здесь не будет. Перенесите инспекцию
на послезавтра, и, умоляю вас, пришлите серьезных, воспитанных людей без склонности
к инфантильному юмору. А? Мне все равно, из какой они страны будут. Пусть будут русские,
если их очередь, мне-то что. Я не считаю, что все русские – клоуны, я видел и других рус-
ских. И, кстати говоря, прошу вас приватно – сообщить о поведении данных индивидуумов
русскому послу в ООН. Я уверен, он в состоянии объяснить им, когда и где нужно проявлять
чувство юмора, и в какие моменты жизни и карьеры такие проявления не очень желательны.
Благодарю вас.

Инспекторы уехали. Капитан глянул на уполномоченного и заставил себя не улыб-
нуться. Уполномоченный смотрел виновато и боялся отвести глаза.

– Все нормально, – заверил его Доувер. – Не волнуйся, грувель. Новые инспекторы приедут послезавтра, и отчетность к тому времени будет у нас безупречная.

Уполномоченный не понял, но начал успокаиваться.

Девять утра. Капитан Доувер подогнал джип вплотную к джипу беглецов и велел сержанту быть готовым ко всему. Вытащив пистолет, капитан выпрыгнул из джипа и приблизился ко входу в пещеру. Дождь перестал, занимался хилый пасмурный день. Капитан потрогал валун перед входом, порассматривал землю. Следуя наитию, он отошел на десять шагов от входа и спустился по скользкому влажному склону чуть ниже. Два трупа. Упершись ногой в плечо Дауди, капитан перевернул его на спину. Дауди застрелили выстрелом в затылок, пуля прошла насквозь. С Манна сняли пиджак и штаны. Трусы спущены до колен. Капитан присел на корточки, чтобы проверить Манну пульс. Манн издал тихий стон. Глаза капитана сузились. Оглянувшись и удостоверившись, что сержанта нет – сидит в джипе – капитан переложил пистолет в левую руку, а правую опустил на горло Манну. Тело задергалось, но не очень сильно. Глаза Манна широко открылись. Руки схватили запястье капитана – не сильно. Капитан усилил хватку. Вскоре Манн затих. Капитан распрямился, посмотрел по сторонам, и вернулся к джипу.

Набрав номер на мобильнике, он сказал в него:

– Я иду по следу. Начальству ничего не сообщай. МакДауэлл убит, и Манн тоже. Дубстер, кто ж еще. Ничего удивительного. Я смотрел его дело, это его обычный стиль. Он способен спасти человека, оказать помощь, вытащить – но только до тех пор, пока от этого человека Дубстеру польза. Зверье, что поделаешь. Джунгли. Охранников отправил, куда я просил? Молодец, Уилсон. Пусть будут наготове. Нет, им совершенно не обязательно знать, кого именно они ловят. Не их дело. Узнают – не велика беда. Но лучше бы не знали. С тобой приятно работать, Уилсон. Быстро соображаешь.

Небольшая уютная квартира. На стенах репродукции картин в стиле барокко. Толстый волосатый человек сидит в кресле, закинув ноги на письменный стол.

– Штатовские, говорите? Цены очень выросли, все подорожало.

– Назови сумму, – говорит Ридси.

– Три тысячи.

– За оба?

– За каждый.

Дубстер молчит, и только рассматривает толстого человека.

– А дешевле...

– Никак, – уверяет толстый человек и всматривается в одну из репродукций.

У Дубстера ощущение, что все это – просто дешевый неуместный цирк. Что цена ненастоящая, и разговор о паспортах – пустячный. Дубстер смотрит на окно. Третий этаж. Высоко. Не спрыгнешь. Брать толстяка в заложники? Бесполезно, толстяком не дорожат, не их человек. Как глупо попались! А дура Ридси еще ничего не поняла, судя по позе и серьезному выражению морды с крючковатым носом. Бабы – морока с ними. Интересно, они прячутся здесь, или войдут через ... Здесь негде спрятаться. Значит, войдут. Стул. Столик. Ваза – неудобно, в захват берется плохо. Ничего дельного нет под руками. Автоматы спрятаны в камере хранения, а жаль. Впрочем, ходить по городу с автоматом наперевес

неудобно, внимание привлекает. В общем, надо подойти к двери и, как только она откроется, долбануть ногой. Отобрать пистолет или автомат. А потом...

Дверь открылась и Дубстер решил, что реагировать бесполезно, и просто сунул руки в карманы и отставил правую ногу непринужденно. В комнату полезли один за другим шестеро охранников, ненужно быстро, ненужно свирепо, суется. Нервничают и боятся. За ними спокойно вошел Капитан Доувер.

Ридси кинулась к столу. Очевидно, она решила душить толстяка, ибо была мстительна от рождения. Дубстер безучастно следил за ее действиями. Двое охранников метнулись к ней и схватили ее за куртку и за волосы.

– Тише! – командно сказал Доувер.

– Мы еще посчитаемся, подонок! – крикнула Ридси толстяку. – Свинья жирная! Попадись ты мне только!...

Толстяк молчал и смотрел в сторону.

Несмотря на тесноту в фургоне, Доувер каким-то образом уединился с Дубстером (руки в наручниках за спиной) и отодвинул остальных, чтоб не слышали.

– Чего тебе надо, капитан? – спросил Дубстер.

Доувер наклонился к самому его уху.

– Ты, Дубстер, дурак. Ты меня чуть не подвел. Ты мне обещал кое-что, помнишь? А я думал – ты человек слова.

– Я человек слова. А первым долгом пленного является побег.

– То на войне, Дубстер. Не в помойке вашей, не в зелайфе, а на войне. Все остается в силе, Дубстер. Не ищи себе легких путей. Мы заключили договор, и ты условия договора выполнишь. А с ней...

Капитан оглянулся на Ридси.

– Мне все равно, что будет с ней, – сказал Дубстер. – Сука. Зря связался. Простое дело до конца довести не может. Подставила, как щенка. Дрянь.

– Ты к ней несправедлив, Дубстер.

Дубстер отвернулся. Капитану это не понравилось. Лишние конфликты сейчас ни к чему.

– Она сделала все, что могла, – сказал он. – Если бы вас искала полиция, все было бы по-другому, и вполне возможно, что через неделю вы оба оказались бы где-нибудь ... в Сан-Франциско, например. Но искал вас я. И я знал, где вас искать. И поэтому – ничего не изменилось. Толстяк будет, как и прежде, торговать паспортами. Ридси сохранит безупречную репутацию в зелайфе. Репьи как уважали ее, так и ... А ну, посмотри на меня. Смотри на меня! ... А ты продолжишь подготовку и в нужный срок отбудешь на Ганимед.

Через три часа Дубстер вышел из фургона и с неприязнью посмотрел на надпись над входом – «Во Имя Благополучия Человечества».

Лица изображали туповатое бесстрашие. Господин Дуэйн обвел зал привычным взглядом и, как всегда ничего нужного выяснить не смог. Все в сборе, кроме лопухого негра. Его отчислили за попытку побега. Куда он бежал? Зачем? На что рассчитывал? Что не пой-

мают? Глупо. Девушка малых размеров, черноволосая, с длинным крючковатым носом – что за экземпляр? Две недели я к ней приглядываюсь, и не понимаю – умная она, глупая, замышляет что-то, смирилась ли? Это не важно! Главное, что я для них – бог. Как решу с ними, так и будет.

Рассказ третий. Горная Земля

Звонок из Ист-Лондона. Звонок из Йоганнесбурга. Звонок из Претории. Все обеспокоены. Ничего, полезно иногда. Не будут спать на местах.

Пицетти обмахнул белоснежным платком лысину и пригладил каштановые кудри над ушами и на затылке. Подумал, достал щетку из портфеля, и расчесался. Махнул официантке, и она в хорошем темпе соорудила ему следующую порцию утреннего кофе. С моря должен был дуть утренний бриз, но не дул. Штиль. Благословенная Атлантика, омывающая с пользой четыре континента, решила взять выходной. Если повернуть голову направо, видна Столовая Гора. Слева – остановка троллейбуса. Шеренга кандидатов в пассажиры. Люди, спешащие на службу. Скопище нашответов у светофора. Мелодично заиграла связь. Из комплекса в Горной Земле.

– Да?

– Бота говорит. Вы скоро прибудете, господин Пицетти?

– Через час примерно.

– Дело в том, что я здесь с Доувером...

– Да, я знаю. И что же?

– Доувер...

– Доувер подождет, не велика птица.

Пицетти выключил связь и безмятежно улыбнулся. Отличный кофе. Отличное утро. Прекрасное настроение.

Он встал, положил под блюдце купюру, потянулся, и неспешным шагом направился в некрасивый, слишком функциональный, без исторического налета, и тем не менее легендарный порт. Легендарный во всех частях света.

Слева по ходу обнаруживалась гряда сувенирных лавок, и Пицетти зашел в первую попавшуюся, просто так. Осмотрев внимательно полки и витрины и выслушав приветствия радушного хозяина – тощего пожилого представителя племени Банту, с красноватыми глазами и желтыми зубами – Пицетти остановил выбор на шляпе, сделанной не из картона, а из искусственных шелка и замши, широкополой, с роскошным белым панашем. Имелось в виду, скорее всего, начало восемнадцатого века. Пицетти потрогал панаш рукой – синтетика, но все равно забавно. Хозяин тут же предложил ему пластиковый пакет с ручками, синим якорем, и красной надписью на непонятном языке. Упаковав шляпу и получив деньги, хозяин сразу потерял к клиенту всякий интерес.

Штурман, положив ноги на борт катера, читал какую-то книгу.

– Что читаете? – спросил Пицетти.

Штурман снял солнечные очки, убрал ноги с борта, и сказал:

– Лескова, господин Пицетти.

– А, да? Эта ... нет, не подсказывайте ... «Леди Макбет?»

– Да.

– Нравится?

– Страшная дама. С такой лучше не встречаться.

– Неприятная баба, согласен.

Пицетти окинул взглядом порт. Мигают неоновые рекламы, ярко горят лампы в трех кафе, под навесом ресторана по причине давешней утренней прохлады включены обогреватели. Какая-то дама спорит с официантом, хочет сесть не далеко, но и не близко от обогревателя. Дама толстая. К самому пирсу подъезжает нашответ, останавливается диагонально, перегораживая собой пирс, и из него выходит еще одна толстая дама в легком цветастом платье. Она с сомнением смотрит на положение нашответа, подзывает какого-то грувеля

из местных портовых рабочих, и просит его поруководить ее усилиями, считая, что имеет на это право. Сама садится обратно в наштответ и начинает его ворочать туда-сюда, стараясь поставить его параллельно линии пирса, и ближе к краю, чтоб был проход, иначе ей дадут штраф. Грувель дирижирует, выставя вперед ладонь, затем призывно кивая, затем ладонь опять выставляется, сигнализируя.

Когда-то давным-давно на каком-то пологом нигерийском склоне росло дерево. Лет тридцать росло, наращивая ствольные круги. Гнулось от ветра, нежилось на солнцепеке, омывалось дождем, позволяло сидеть на себе – птицам ли, птеродактелям ли, кто знает. На свету, как положено, принимало в себя углекислый газ и выдыхало кислород. Тридцать лет. Потом свалилось. Потом его засыпало. Проходили столетия, тысячелетия, миллионолетия, но солнечная энергия, накопленная деревом, сохранялась, согласно Теории, даже в той жирной черной жиже, в которую дерево преобразовалось. Сейчас вся эта энергия уходила на потуги толстой дамы поставить свой драндулет у пирса в соответствии с дурацкими правилами. Дама понятия не имела ни о дереве, которое росло на склоне, ни даже о тех людях, которые сейчас, в данный момент, загибались от тоски, ужаса, скуки, пищеварительных сбоев, облучений, и недостатка солнечного света и тепла на Ганимеде, где нет ни умиротворенной Атлантики, ни эффектных прибрежных пейзажей, а средняя годовая температура в любой точке поверхности составляет сто сорок градусов ниже нуля. Узнать об этих людях не составляет труда, нет никаких секретов, помимо очень специальных. Но дама ничего узнавать не собирается, ей это не нужно. Как не нужно было вникать в подробности – молодой мордатой племяннице средневекового барона, чьи крепостные жили в поголодной скуке всю жизнь, не видя света, не зная радости, пока она играла в жмурки с равными на солнечной лужайке и задумывалась в основном о том, кто к кому какие нежные чувства питает.

– Поедем, штурман, – сказал Пицетти, садясь на кожаное сидение.

Штурман включил мотор, полавировал между судами и лодками, и пошел вдоль живописного берега на хорошей скорости.

Снова заиграла связь.

– Ну, что еще? – спросил Пицетти.

– Доувер явно нервничает.

– Что ж я, телепат, что ли, буду его на таком расстоянии утешать? Дайте ему успокоительных капель.

– Он очень нервничает, – нервно сказал Бота.

– Бота, возьмите себя в руки, – веско сказал Пицетти. – Иначе я вас уволю, Бота.

Нервные какие все стали.

Через двадцать минут штурман снизил скорость и не очень лихо (Пицетти не любил, когда лихо) повернул к берегу. Пицетти соскочил на одинокий причал, некоторое время смотрел вверх, на впечатляющий подъем, а затем, сунув руки в карманы белого плаща, помахивая пакетом с исторической шляпой, двинулся к лифту.

Осваиваясь, хозяева Горной Земли нашли, что у лифта этого (давно заброшенного в ту пору) – большой потенциал, и восстановили его, и даже модернизировали. Помимо прибытия и отбытия официальных и полуофициальных лиц на территорию, никаких других применений лифту не находилось.

После стремительного подъема на почти километровую высоту, двери лифта открылись плавно, бесшумно. Пицетти заступил в тускло освещенный коридор, прошел по нему двадцать метров, и оказался на террасе, где его уже ждал вуатюр – не наштответ какой-нибудь сраный, а самый настоящий шестиместный люкс, переделанный из армейского джипа. За рулем сидел сам толстый, белокрысы, потеющий Бота. Не послал шофера, сам приехал. Пицетти сел рядом и хлопнул дверью, и Бота быстро погнал вуатюр по серпантину вниз.

– Нельзя ли помедленнее, – сказал Пицетти.

Бота вздохнул, но скорость снизил.

Пицетти залюбовался видом. Горная Земля, освещенная диагонально солнцем, выглядела с этой точки обзора сказочным королевством. Вблизи хуже. Вблизи сразу выявляются – назначение некоторых построек, прямоугольность и прямолинейность, неудачные сочетания природы и благоустройства. А отсюда даже промышленный комплекс, увенчанный двумя нефтяными вышками, ласкает глаз.

– Сколько же они все-таки добывают нефти? – спросил Пицетти непринужденно.

Бота искоса глянул на него.

– Не очень много.

– Но им хватает.

– Да.

– И на пластмассу, и на медикаменты, а сопутствующий газ перекачивается сразу ... – Пицетти вгляделся. – ... на фертилизаторные нужды ... Молодцы, ничего не скажешь. А фермы где? Там, за холмом?

– Да.

– Кто бы мог подумать. «Непропорционально».

Слово «непропорционально», устаревшее, глуповатое, употреблялось нынче применительно в основном именно к Горной Земле. Когда-то журналисты пытались прилепить этой полу-автономии ярлык вроде «Земля Второго Шанса», но у них ничего не вышло. А вот «непропорционально» – прочно укрепилось. Все здесь было именно непропорционально – наказания за проступки (смертная казнь), дисциплина (жестокая), процент белых (слишком высокий по любым меркам, чуть ли не половина), непримиримый закон, согласно которому новорожденные дети отбирались у матерей и определялись в приюты вне территории Горной Земли, и многое, многое другое.

– Двенадцать тысяч?

– А? – переспросил Бота.

– Население. Двенадцать тысяч?

– Около того.

– Не нужно грустить, друг мой. Посмотрите, какой чудесный день вокруг. Вы прекрасно водите, Бота.

Бота вытер пот со лба – рукавом, не платком.

Трехэтажное здание муниципалитета автономии построено было в стиле псевдобарокко и радовало глаз. Уютный кабинет – с замысловатым узорным архитравом по периметру, с массивным дубовым столом, с книгами и бронзовой лампой, еще неделю назад принадлежал Директору Связи. Пицетти занял кабинет – как говорили знающие люди, временно.

– Временно, уверяю вас, Бота, – сказал Пицетти расслабленным голосом. – Я ведь всего лишь легионер. Понадобилось произвести чистку кадров, и никто не хотел этим заниматься, поскольку все знают, что тот, кто людей увольняет, тот сам будет уволен по завершении процесса. Пригласили меня со стороны, поманили сдельной оплатой. Авансом дали столько, что если бы кто-то узнал, сделалась бы революция. Обещали заплатить столько же по окончании, если не будет накладок. Дали доступ к любой документации, а кого именно следует увольнять – не сказали. Кого назначать – тоже не сказали. Разберись, Пицетти, поимпровизируй. Ну и духота!

Он шагнул обратно к двери, высунулся в приемную, и сказал пожилой, добросовестной секретарше:

– Будьте любезны, кондиционер включите.

– Где? – подобострастно вскинулась секретарша, боясь не так понять. – Здесь?

– Нет, на улице.

Пицетти прикрыл дверь, прошел к столу, вытащил из пакета шляпу с панашем, и водрузил ее себе на голову. Перо опустилось вниз и закрыло ему один глаз. Он не обратил на это внимания, и уставился незакрытым глазом на Боту.

– Доувер парится наверху, в общей? – спросил он.

– Да, – сказал Бота.

– Ничего, пусть еще посидит. Нужно утолить жажду.

Он подошел к миниатюрному холодильнику и вытащил из него бутылку.

– Шпатен, – сказал он одобритительно. – Пусть. Скажите, Бота, вам нравился ваш бывший Директор Связи?

– Э...

– Вы не были против, когда я его уволил?

– А...

– Ничего. Ко всему привыкают. Наверное, у него много было материалов на вас лично? На всякий случай?

– Э...

– Были материалы, были. И многое он грозился унести с собой.

– В целях публикации? – отважился спросить Бота, поскольку этот вопрос его очень интересовал. И тут же прикусил язык.

– Уж не знаю, – Пицетти пожал плечами, отпивая из бутылки. – Но публикаций, конечно же, не будет. Какие еще публикации!

Бота помолчал некоторое время, а затем решился уточнить:

– Вы уверены, господин Пицетти?

– Да. Как только он попытается связаться с публикаторами, так сразу – бада-бинг, бада-бум. Или – как это у вас здесь говорят? – белагра.

– А кто?...

– Это зависит от того, на чьей территории он будет в момент попытки что-то публиковать. Если у русских, они его «ликвидируют», если у американцев, они его «исчезнут», если у китайцев, то будет «его потенциал реализован без остатка». Публикации о том, что у вас тут делается, никому не выгодны. Впрочем, это не ваше дело, Бота. Я хотел тут с вами посоветоваться по одному щекотливому вопросу ... Не возражаете?

– Да, пожалуйста.

– Скажите, что мне делать с вами лично, Бота? Что-то вы от меня скрываете. Уволить вас или оставить? Или сперва разобраться, а потом уволить? Я бы мог переспать с вашей женой, и она бы мне все поведала, но баба она ужасно противная, из тех, которых обслуживать нужно. Я не люблю обслуживать. Я люблю лежать на спине, и пусть меня обслуживают. А скажите, Бота, вот к примеру ... – он помолчал, поправил шляпу, и снова помолчал. – Сюда, в автономию эту вашу, поступают только репейники с пожизненными сроками? Или всякие есть?

Бота, багровый, молчал насупленно.

– Нет уж, отвечайте, пожалуйста, – строго сказал Пицетти.

– Всякие есть. Но в основном с пожизненными, – сказал Бота, не глядя на Пицетти.

– И каждый должен выполнять какую-то работу?

– Да.

– А назначает его на эту работу департамент президента автономии?

– Да, если петицию не подаст, что он, мол...

– Ну, ну?

Бота вдохнул и переместил вес тела с одной ноги на другую.

– Если прибывший подает петицию, что он может приносить пользу Горной Земле в качестве, отличном от того, которое ему департамент определил ... – сказал он.

– А петиции рассматриваются?

– Да. – Бота подумал. – Именно таким образом у нас здесь и оказался ... агрегат переработки. Один из прибывших был инженер, а другой был физик.

– Ах вот оно что. Понимаю. Странно, что мне об этом не сказали раньше. Налоги Республике автономия платит?

– Э ... нет. То есть...

– Переработка все окупает. Понимаю. Нынче уже знают, что не так это опасно, как раньше думали. В былые времена упрятали всю эту механику в горы, подальше, чтоб не пугала. А теперь переносить – лень. Да и незачем. Горная Земля вполне справляется, качает этот самый гелий-двадцать в Республику и к ее, Республики, содеям. А проститутки у вас тут есть?

– Э ... Да.

– Легальные?

– Да. – Бота помолчал, увидел, что Пицетти ждет продолжения, и продолжил. – У нас тут больше мужчин, чем женщин...

– Насколько больше, кстати?

– Ненамного. На какие-то четыре, что ли, процента.

– Терпимо. Ну вот что, Бота ... Зови Доувера сюда, пора с ним говорить, пора. Соскучился он там, небось.

Бота вытащил связь и передал пожелание.

– Да, вот еще что ... – Пицетти снял шляпу, оправил перо, и протянул Боте. – Наденьте, пожалуйста.

Бота отпрянул.

– Нет уж, вы наденьте! – жестко приказал Пицетти. – А то ведь, знаете ли, у меня все документы есть, поищу да и найду, на чем вы себе тут руки нагрели.

Бота надел шляпу.

– И стойте возле стола, вот так. Хорошо. Вообще, конечно же, коррупция – двигатель ... не знаю чего, но как-то без нее неуютно было бы, наверное. Вот к примеру – Горная Земля. Мечта всех репьев с большими сроками. Но не всех сюда берут, не всех. Ведь только двенадцать тысяч человек здесь. А по тюрьмам сколько болтается нынче? Поэтому люди, которые сюда попадают – они вовсе не случайные, а сумевшие вовремя кому-то угодить. Тоже самое с лотереей на полеты в Пространство. Не всем охота тянуть срок, и даже в Горную Землю не всем охота, если на всю жизнь. Пейлоуд обещает отмену срока и деньги. Есть, правда, и опасности, но прикидывают люди – лучше опасности, чем, скажем, пятьдесят лет сидеть. И, конечно, у кого на воле есть связи, организывают раздачу вознаграждений ... тем, кто лотереей заведует. Не без того. Возможно дают аванс, и обещают гонорар, когда станет известно, что кандидат прошел все стадии и не попал в отсеб...

– Не совсем так...

– Шляпа вам очень идет, Бота.

Доувер вошел в кабинет чеканной походкой и подозрительно посмотрел на Боту.

– Доброе утро, капитан, – Пицетти улыбнулся. – Присаживайтесь, поговорим.

Доувер коротко поклонился и сел в кресло, держа спину прямо. Одну руку он очень точным движением опустил на подлокотник. Вторую положил на колено.

– Итак, позавчера в Центре Подготовки имел место неприятный инцидент. – Пицетти присел к столу, поставил на него бутылку с пивом, и придвинул к себе ноутбук. – Весьма неприятный ... – Он поднял голову и строго посмотрел на Боту. – Легкомысленный вы, Бота.

Я не одобряю ваш выбор головного убора. Выйдите и подождите там, поговорите с секретаршей. Вернитесь! Шляпу снимите и положите на стол. Вот так. Благодарю. Идите.

Весь красный, Бота поспешно ретировался. Пицетти подождал, пока дверь за ним закроется.

– Я тут, капитан, просмотрел некоторые документы, – сказал он, усаживаясь поудобнее и глядя в планшет. – Понимаю, что я не Директор Связи, а всего лишь временно исполняю его обязанности. Но я у вас прямо спрошу – это лично вы с предыдущим директором заключили соглашение? Или же в этом деле еще кто-то замешан?

– Я не понимаю вас, господин Пицетти.

– Жаль. Ну, что ж, по порядку. В Центре Подготовки идет эксперимент. Идет уже два года. Поскольку на Ганимеде постоянно пробуются новые технологии, которые могли бы удешевить и ускорить добычу и доставку, новых людей нужно туда засылать постоянно. Но это должны быть люди уравновешенные. Спокойные. К сожалению, не все, попадающие в Центр Подготовки, таковыми являются. Психологи ошибаются на каждом шагу. И возникают конфликты – по пути к Ганимеду, на Ганимеде, по пути обратно. Конфликты эти опасны – для всех. Поэтому было решено добавить к подготовке еще один этап – еще одна попытка выявить людей, склонных к конфликтам. Так?

– Вам лучше знать, господин Пицетти.

– Капитан, не нужно иронизировать. Вы человек военный, у вас плохо получается. Ирония – слишком тонко. Военным положено говорить саркастически, а не иронично. Даже очень умный военный всегда должен изображать в быту некую степень туповатости. ... Стало быть, после общей подготовки отобранные экипажи водворяются в бункер на шесть недель, связь только электронная. Еда – те же консервы, что и в полете. Гигиена – та же, те же жерла вместо душа, те же фильтры для очистки воздуха и воды. Экипажи учатся управляться со всем этим. Их, экипажей, на этом этапе три штуки. Раз в неделю всем членам экипажей предписано принимать снотворное, в назначенный день и час. После приема они спят двадцать часов. Им объясняют, что это необходимо организму для расслабления и отдыха, иначе они все загнутся. Перед последним приемом снотворного им говорят, что во время сна их перенесут на кораблик, и проснуться они уже в Пространстве. Это необходимо – чтобы перегрузки, связанные со стартом, не сказались на здоровье. Так?

Капитан не ответил.

– Просыпаются они на кораблике и следуют инструкциям. Инструкции, как я понимаю – не выходить из первого и второго отсека первые две недели полета. То есть, не выходить в крутилку. Потому что крутилка не включена. А гравитация якобы обеспечивается ускорением, хотя это, конечно же, чепуха. В этот момент экипаж состоит из десяти человек. У них нет повода не верить тому, что им сказали. Они убеждены, что они в Пространстве, в то время как на самом деле им показывают фильмы о полете через Пространство, и следят через скрытые камеры, чтобы не было конфликта. Еще через две недели экипаж принимает очередную дозу снотворного, и в спящем виде их переносят из муляжа в настоящий кораблик. Всех, кроме двух, в которых наблюдатели заметили наибольший индекс конфликтности. Просто кивните – да или нет.

Капитан выдержал паузу и кивнул.

– Отлично, – сказал Пицетти, радуясь. – До позавчерашнего дня не было ни одного случая, когда кто-то из членов экипажа не принял бы снотворное. Так, капитан?

– Да, – сказал Доувер.

– Но вот позавчера оказалось, что сразу два члена экипажа снотворное не приняли. И когда они лежали в ... как называются эти ... гробы?...

– Компартмент Два-Три.

– Когда они лежали в своих компартментах два-три, и за ними пришли милые, ничего не подозревающие служащие, чтобы волоочь их из муляжа на кораблик, эти двое их ждали. Служащих, конечно же, сопровождала охрана из трех человек. Чем и воспользовались бодрствовавшие, и отобрали у охраны автоматы. Выйдя из муляжа, они побежали ... Куда? К джипам?

Капитан промолчал.

– Нет, не к джипам. Они побежали к вертолету. Который оказался рядом. Удобно, не правда ли? На вертолете этом прилетел в Центр наш бравый Бота, дабы лично проследить, как взлетает кораблик. – Пицетти пошарил в базе данных ноутбука. – Да. Побег им почти удался. Охрана стояла сонная по два человека на уровень, а на поле вообще никого не было. Но присутствовали вы, лично, и оказались на высоте. Два точных выстрела из пистолета. Ни тот, ни другой не смертельны – вы хорошо стреляете, капитан. Затем, возможно из сострадания, вы кинулись к ним, а дурак Бота стал зачем-то включать связь, и из-за его дурацкой манеры – чуть что, с кем-то связываться – ситуация вышла из-под контроля. Так?

– Ситуация не вышла из-под контроля.

– Нет? – Пицетти улыбнулся. – Капитан, расскажите мне все на чистоту. Не хотите? Хорошо. Я скажу, что в этой истории заинтересовало меня лично. Идёт? Значит, так ... В правилах написано, что в случае любого проявления конфликтности, на любом этапе подготовки ... подчеркиваю – на любом этапе ... конфликтующий отправляется обратно ... как это они здесь называют? В тутумник. Никаких исключений. И все бы ничего! Подумаешь – два негодяя имели наглость не принять снотворное, когда им было ясно сказано, что принимать нужно. Все это время они притворялись овечками невинными ... – Он поднял голову и внимательно посмотрел на Доувера. – Ведь так? Инцидентов не было с этими двумя?

– Не было, – твердо ответил капитан.

– Хорошо, допустим не было. Сомнительно, но пусть. В общем, взбунтовались они. Обратно их в тюрьму! Остальных – на Ганимед! В конце концов, последняя стадия подготовки как раз и предполагает выявлять то, что она выявила! Но, странное дело, обратно в тюрьму отправляется только один человек. А второй ... э ... энсуржан ... возвращается в Центр Подготовки, судя по документам. Как бишь его? – Пицетти вперился в экран. – Нил Дубинский. Нила не отослали досиживать пожизненный срок, то есть, пошли против правил и этим поставили под угрозу все ... э ... производство. Это меня заинтересовало. Я еще покопался во всем этом, связался с некоторыми моими знакомыми ... весьма неприятными типами, капитан ... и выяснил – это непредставимо! неслыханно! Оказывается, Нил Дубинский был привезен в Центр не из тюрьмы, а прямо отсюда, из Горной Земли! И ни в какой лотерее не участвовал, и никто из-за него не марал душу взятками. Посмотрел я его досье – знаете, мне часто приходится выступать в суде от имени разных казаностровых ... Но послужной список Нила даже меня шокировал. Невероятное количество взломов, ограблений, грабежей, убийств – доказанных, капитан. И тем не менее его принимает Горная Земля, а затем – невероятно – он попадает в Центр Подготовки. Что же это – везет ему так, Нилу? Нет, подумал я, тут не Провидение, тут явно чья-то вполне осязаемая рука. Протекция. И я понял, что, когда вы тут договаривались с моим предшественником ... вы ему поручились ... что Нил как никто другой справится с заданием и пометит вам этот самый пресловутый Регион Повышенной Концентрации, или как его там. Я не ошибся? А, капитан?

Лицо Доувера ничего не выражало. Пицетти кивнул.

– Целеустремленный вы человек, капитан. Вы мне нравитесь. Итак, Нила балуют, делают ему поблажки ... Посмотрим ... – Он снова вперился в экран. – Родился двадцать пять лет назад неподалеку от Претории, в бедном поселке ... фургоны ... Отец – канадец, предки украинцы ... католик. Мать из местных белых ... с французскими корнями ... Посещает школу ... В одиннадцать лет бежит из дома ... из хутения, как у вас тут говорят ... В пят-

надцать лет первое зафиксированное ограбление ... В восемнадцать лет первый срок ... А, вот оно. Армия. Два года в специальных войсках – Он поднял голову и улыбнулся. – Коллеги, стало быть. Но служили вы в разных местах, и не встречались. Вопрос. В правилах строго-настрого запрещается помещать в один и тот же экипаж людей, проходивших когда-либо по одному и тому же делу. К примеру, если два человека грабят банк, то содержать их вместе в Центре нельзя. Понятно, почему. Но к Нилу в группу определяется некто Ридси, она же Юридиси Камбанеллис. Имя которой значится в двух ограблениях вместе с именем Нила. Умасливаете кандидата? А может, он сам вас попросил?

Капитан отрицательно покачал головой.

– Правильно, – сказал Пицетти. – Не мог он вас попросить. Вы ошиблись – до прибытия в Центр Нил Дубинский и Ридси никогда не встречались.

Капитан нахмурился.

– История типичная, – объяснил Пицетти. – Какая-то молодая романтическая особа, родившаяся в невероятно богатой семье, решила, что в мире все скучно и обыденно. Ей захотелось острых ощущений. Она познакомилась с Нилом, и вместе с ним совершила несколько налетов. С поличным никого не поймали, но улики собрали достаточно, чтобы выписать ордер на арест. И вот адвокат, нанятый родителями особы, явился в тюрьму, где сидела Ридси и предложил ей взять ответственность на себя, а в награду ей сбавят изначальный ее срок. Ридси согласилась. Потому и проходит по одному делу с Нилом. Плохо работаете, капитан.

Он взял со стола шляпу и некоторое время ее рассматривал и вертел.

Что он тянет резину, подумал Доувер. Ведь явно он все решения принял еще до того, как меня увидел. Чего ж измываться над человеком? Ну, понятно, Дубстера он отправит обратно в тутумник, а меня? Только бы не начал копать дальше. Поскольку предыдущая выходка Дубстера не шибко глубоко спрятана, а этот Пицетти – парень ушлый, найдет. Что он решил? Уволят меня? Переведут? Да говори же, сволочь. А как я промахнулся с этой Ридси! Почему не проверил? Почему доверился Уилсону? Уилсон – известный дурак.

– Вы женаты, капитан?

– Э ... женат.

– Вы дали Нилу задание, – сухим, строгим голосом сказал Пицетти. – Ему следует застолбить территорию. Ни о каких упомянутых вами датчиках речи нет. Любые датчики тут же засекут все заинтересованные стороны.

– Это специальные датчики ... Возможно, вас не проинформировали...

– Перестаньте, капитан. Нил Дубинский должен прибыть на место и зафиксировать координаты. От руки. На клочке бумаги. И привезти зафиксированное сюда. Вот в этот кабинет. И он выполнит это задание.

– Он...

– Потому что сопровождать его будете вы лично, капитан. Как раз в этом и состоит мое решение относительно вас. Не нужно смотреть на меня такими глазами. Будь вы одиноки, я бы еще подумал. Но вы человек семейный, и поэтому сделаете все так, как вам велено. Не в бега же вам отправляться! Трое детей. Следующий рейс на Ганимед – ваш. Надеюсь, вы не очень конфликтный человек. Счастливого пути.

Доувер встал, оправил куртку, некоторое время смотрел в пол, а затем перевел взгляд на Пицетти.

– Работа у вас опасная, господин Пицетти.

Пицетти отхлебнул пива.

– Наверное, – сказал он. – Помню, я только начинал, дело было совершенно пустяковое. Пришел я на хутень к человеку, которого мне предписывалось защищать в суде. Мне показали – он в ванной. Иду в ванную. Над ванной два крюка, с них свисают трупы, головами вниз. Шеи перерезаны, кровь течет в ванну. Крышка унитаза закрыта, сидит мой кли-

ент, поглядывает на трупы, и жрёт пиццу. Захватывает, знаете ли, двумя пальцами треугольник пиццы, и откусывает кусок. А я даже глазом не повел. Обсудил с ним подробности. – Он еще отхлебнул пива. – Меня таким образом проверяли, наверное. Ну, знаете, мафиозная психология – струхнет парень, обоссется, или выдюжит?

Пицетти подошел к холодильнику, вытащил следующую бутылку пива, сел в кресло, и закинул ноги на стол.

– Человек вы совершенно понятный, капитан. Личная выгода вам всегда дороже любых принципов. Будете проходить через приемную, скажите секретарше, чтобы ручку в кондиционере подкрутила.

Светило солнце. Добравшись до Кейп-Тауна, Капитан Доувер зашел в первый попавшийся бар и просидел в нем до темна.

Двое мужчин, один явно портовой рабочий, в грязной джинсовой куртке, заляпанных краской штанах, и строительной обуви, другой служащий, в галстук, спорили о предстоящих выборах.

– Нет, – говорил служащий, – Ривьера заботится о благе всех граждан. Он наверняка найдет способ...

– Ничего он не найдет! ... – возражал рабочий.

– ... найдет способ приструнить зажавшихся гадов в Пейлоуде!

– Они ему платят, эти гады, – горячо сказал рабочий, прихлебывая. – Ты что, грувель, вчера на свет родился? Платят они ему!

– Ривьеру не подкупишь! Сколько можно! Это ж они опять поднимут цены на электричество, и спишут все на дороговизну доставок гелия-двадцать. Эти доставки вообще ничего не стоят, это все придуманные цены, с потолка.

– Это верно, – согласился рабочий. – И они придумали ездить на Ганимед специально, чтоб дороже было. На Луне этого гелия навалом, можно просто зачерпывать ковшом. Но Ривьера ничего не сделает, вот увидишь.

– Сделает. Ты знаешь, какой у меня счет за электричество был в прошлом месяце? У меня четыре кондиционера. Жена недавно родила. А что будет в жаркий сезон?

Еще вчера Доувер не обратил бы внимание на спор этих двух. Теперь он слушал – и было ему тоскливо. Вас бы послать на Ганимед, бараны, подумал он. Узнали бы, как дешевы доставки. Ему подумалось, что если он выпьет еще стакан или два, то непременно ввяжется в беседу, после чего сделается драка, и этих двоих госпитализируют. Приедут репортеры. Нужно идти на хутень, от греха подальше.

Выйдя на улицу, он твердой походкой проследовал к набережной. Тут и там шастали нашответы, пешеходов было меньше. Фонари светили тускло, и Юпитер в темном небе виден был отчетливо. Будь у капитана с собой полевой бинокль, можно бы было направить его на Юпитер и разглядеть четыре светлые точки по соседству, одна из которых – Ганимед.

Рассказ четвертый. Касп

Юридиси. Ю-ри-ди-си. Ударение на втором слоге. Ю ... РИ! ... ди ... си. Юридиси, тебе хорошо? Тепло? Сладко тебе, Юридиси? Томно?

Влага обволакивала, сочилась из пор, горячая, густая. Юридиси понимала, что спит. Она не хотела просыпаться – она осознавала, что радуется в первый раз за долгое время, и боялась, что радость кончится, если она проснется. Она не знала, от чего именно происходит радость. Было невыносимо приятно, и даже как-то грустно, от этой радости.

Теплая волна прокатилась по телу от шеи к пальцам ног, и за ней еще одна, после чего живот, бедра, ягодицы, половые губы – поймали эту волну, задержались, заметались, заворочались, и мощными толчками начали выбрасывать горячую влагу из тела, толчок за толчком, и влаги этой было очень много.

Юридиси открыла глаза, и снова их закрыла, и завозила, поглаживая себя по груди, по половым губам, по животу. Радость не ушла – осталась, и даже усилилась. После долгого перерыва Юридиси снова почувствовала себя женщиной. На это она совершенно не надеялась, махнула рукой – и нынешняя неожиданность дополнительно усилила радость.

Юридиси выгнула спину, сделала глубокий вдох, потянулась – давно она не потягивалась. Откинула покрывало. И тщательно себя осмотрела, временами вздрагивая остаточной.

Волдыри на боках и на бедрах не проходили по понятным причинам – проточную воду следовало экономить, а протирающими поры не откроешь. Ногти на ногах твердые, неприятные. Ее это все время угнетало. Но может теперь пройдет? Кожа на коленках противная, шершавая. Волдыри на шее. Прыщи на лице. Прыщ на переносице. И привычная боль в спине.

Юридиси соскользнула на пол и потянулась к протертым неопределенного цвета «пижамным» штанам и такой же «пижамной» куртке. Влезла в штаны, чуть не упав – равновесие поддерживалось с трудом – накинула куртку, вышла в циркуляр, оперлась о стену, и некоторое время смотрела на «горизонт» циркуляра, туда, где пол, задираясь вверх, смыкался с потолком, который тоже задирался вверх, но медленнее.

Звунонепроницаемость дверей и стен циркуляра совершенно бессмысленна. После двух лет в пространстве, в удалении от Солнца, в одной кастрюле люди начинают чувствовать друг друга телепатически, духовно, спинным мозгом, и еще многими разными способами. Прямо по ходу, за второй дверью справа, совокуплялись. Не в первый раз. Первый раз был позавчера. Тогда Юридиси подумала было, что просто теряет рассудок. Но нет. Все правильно. Возможно половые функции возвращались ко всем выжившим, и возможно она, Юридиси, просто оказалась последней в очереди. Она прикрыла глаза. Совокупление началось только что. Еще не поздно.

Она толкнула вторую дверь и вошла.

Кларетт сидела на Грейви верхом и качала бедрами вверх-вниз, а Грейви лежал неподвижно, и только придерживал черную женщину за талию. Восстановился он явно не до конца, ему нужно было еще какое-то время, и поэтому на второй круг его не хватит – так показалась Юридиси. Она сдернула с себя пижамные штаны, подошла, и за волосы стащила Кларетт с Грейви. Кларетт завизжала и задержалась, а Юридиси с размаху залепила ей по уху, снова схватила за волосы, сжала кулак, и прицельно ударила дуру в глаз. Кларетт схватилась за глаз, осела на пол и отползла в сторону. Возможно она хотела доползти до угла, но не хватило сил, и она прилегла посреди помещения и свернулась в клубок. Юридиси по деловому влезла на банкбед, уперлась коленом, перекинула ногу, потеряла равновесие, оперлась рукой, восстановила равновесие, и схватила Грейви за не очень напряженный член. Поводив по нему рукой, она пихнула член в себя. Член начал твердеть, но медленно и неуверенно. Восстановление требовало времени. Грейви никак не отреагировал ни на драку, ни

на смену женщин на нем. Глаза смотрели на Юридиси безучастно, и в нормальных обстоятельствах это помешало бы акту. Сейчас акту ничто не могло помешать. Юридиси продолжала себя в этом убеждать, поскольку до следующего оргазма оставалось ей всего-ничего, какие-то миллиметры, микросекунды. Лицо Грейви исказилось неприятной гримасой. Несмотря на усилия, уговоры, и даже поцелуи (вчера она была уверена, что как бы не сложилась жизнь в дальнейшем, она никогда больше не поцелует мужчину), Грейви ослаб, увял, притих, энергия ушла. Юридиси разозлилась, и эта злость ее обрадовала – злость после многих месяцев апатии. Я чувствую, я раздражаюсь, я радуюсь – я живу.

Что-то повернулось и замкнулось в ее мозгу – включилось что-то – и запахи помещения предстали ей во всем своем широком спектре, удушающие, невероятно густые, смрадные. Это не вызвало отвращения – а только порыв затаенной грусти. И вспомнился Дубстер. Почему Дубстер? Юридиси вспомнила почему. Она отерла правую щеку тыльной стороной руки, почувствовала отвратительную саднящую боль в прыщах на щеке, и сползла с Грейви. Встала.

Проходя мимо Кларетт, она увидела расплзающуюся из под ягодицы долговязой дуры лужицу крови. Не может быть. Я ведь била ее в глаз. Нахмурившись, Юридиси попыталась сфокусировать мысли, и это ей удалось. Менструация. Незавершенный половой акт открыл в дуре шлюзы – годичное скопление плотских отходов вытекало на линолеум. Новый запах оказался мощнее всех остальных в помещении. И уж этот запах показался совершенно отвратительным. Юридиси обошла Кларетт полукругом и вышла в циркуляр.

Значит, у меня тоже скоро начнется, подумала она. Вся одежда будет в кровище. Из пятнадцати фильтров работают два, и те с перебоями, их нужно беречь. Драгоценную влагу нельзя тратить на то, с чем можно мириться. Возможно человечество так и поступает всю историю – когда не достает воды, сперва перестают мыться, затем стирать одежду, затем белье, и только после этого перестают пить. Нельзя переставать пить.

В пятнадцати метрах по ходу мигнула зеленая лампа вызова на связь. Во всех помещениях сейчас мигали эти лампы. В жилых помещениях мигание сопровождалось звуковыми позывными.

Юридиси решила проигнорировать сигналы, но вспомнила (вчера бы не вспомнила), что из всех выживших в данный момент лишь она одна способна – добраться до операторской, ответить на сигнал, переговорить с подонками на Земле. И что если она этого не делает, и без того сложная ситуация усложнится дополнительно, и ей лично это совершенно ни к чему.

Она пошла в операторскую. Два раза по пути пришлось останавливаться и отдыхать. Дошла.

В операторской запахи наличествовали только остаточные. Выжившие проводили здесь очень мало времени. Полукруг с пультами мигал огоньками, как площадь в районе красных фонарей в провинциальном городе. Юридиси подошла к центральному вертящему креслу, укрепилась в нем, и потянула рычажок связи на себя.

– Айвенго, говорит Йоганнесбург. Прием. Айвенго, говорит...

– Прием, прием, – откликнулась Юридиси.

– Как слышите?

– Прекрасно слышим, красавец. Что нового, как дела?

– Юридиси Камбанеллис?

– Бывали времена, когда я выглядела привлекательнее.

– Почему не выходили на связь раньше, по программе?

– Забегались. Дела неотложные.

– Уважаю. Через пять часов у вас начинается изменение курса и торможение. Посему проверка готовности. Поправь меня, если ошибаюсь ... Прием?

– Слышу, слышу.
– Кларетт Мейсон.
– Здесь.
– Манфред Жерве.
– Здесь.
– Юридиси Камбанеллис.
– Уехала к родственникам на викенд, но скоро вернется.
– Капитан Александер Доувер.
– Все еще не работоспособен.
– Медикаменты абсорбирует?
– Абсорбирует.
– Хорошо, Юридиси. Значит, во время изменения курса в операторской будут трое. Вам следует всем делать абсолютно все ... каждое движение ... в соответствии с получаемыми инструкциями. Не хочу показаться занудным, но это так. Мне неловко лишний раз об этом напоминать, но это очень важно. Понимаешь, Юридиси?

– Понимаю.
– Включи видео.
– Не могу.
– Почему?
– Каждый джозль на счету.
– Совершенно верно.
– Кроме того, я превратилась в инопланетянку, внешностью напоминающую, пусть и отдаленно, Медузу Горгону. На Земле к таким не привыкли. Боюсь тебя шокировать, Айвенго.
– Ничего, я привычный. Через пять часов двенадцать минут всем быть в операторской. Не опаздывать. Иначе пролетите мимо и влипите в Солнце вместе с грузом.
– Не грози, Айвенго. Груз нужен вам больше, чем нам. Нам уже за все заплачено.

Все в сборе. Включены дисплеи. Грейви, влажный, грязный, со спутавшимися остатками волос, с мутными глазами. Продолжающая буйно менструировать Кларетт. И Юридиси, в правом крайнем кресле. Пока что не начавшая менструировать.

– Левая пропулька, три с половиной градуса к правому борту, – говорят из Йоганнесбурга.

– Есть, – говорит Кларетт с подбитым глазом, в левом кресле.
– Траектория восемьдесят восемь.
– Да, – откликается Грейви в центре.
– Курс относительно каспа?
– Отклонение примерно восемь градусов, – подала голос Юридиси.
– Точнее, пожалуйста.
– Семь и девяносто три сотых ... девятьсот тридцать четыре тысячных...
– Следующие три цифры, пожалуйста.
– Один, один, четыре.
– Принято, Айвенго. Слушайте внимательно. Пропульки восьмую, девятую и одиннадцатую выставите на пять и восемь десятых. Парус в том же состоянии, что и вчера?

Трое в операторской промолчали.

– Прием?

– Да, – ответила Юридиси.

– К сожалению, сделать ничего нельзя, Айвенго. Нужно чинить. Тросы с одиннадцатого по пятнадцатый необходимо укрепить. Послезавтра они должны быть в полной готовности, иначе по хутеням вы не попадете. Понятно?

Молчание в операторской.

– Я спрашиваю – понятно? – повысил голос Йоганнесбург.

– Понятно, – мрачно сказал Грейви.

– Тормозилки включите в назначенное время. После того, как изменится курс, выйдем на связь, и либо я, либо один из моих коллег, проинструктирует вас по поводу...

Все смолкло.

– А? – осведомился Грейви.

– Что-то происходит, – заметила Кларетт.

Проверили антенны. Антенны стояли на месте в рабочем состоянии.

– Нет связи, – заметила Кларетт, и Юридиси странно на нее посмотрела.

– Грейви, сбегай в соседнее помещение, – попросила она.

Грейви сполз с кресла и потопал вон, и вскоре вернулся с безучастным выражением лица.

– Везде одно и то же, – сообщил он. – Возможно грохнул распределитель. Не знаю.

– А выход в крутилку проверил?

– Да. Там шумно очень.

– А связь?

– Нет. Говорят тебе – нет нигде связи.

– Нужно чинить.

Грейви втиснулся в центральное кресло и затосковал.

– Правильно, – сказала Юридиси. – Нет времени. Сделаем, как нам велели, а потом...

– Тебя кто-то в капитаны назначил? – спросил Грейвз мрачно. – Такое событие. Шампанским, наверно, увлажнили, паштет из гусиной печени поднесли.

– По необходимости принимаю решения, – сухо ответила Юридиси.

– Почему именно ты?

– Потому что я единственная, кому не все равно.

– Мне тоже не все равно.

– И мне тоже, – заметила Кларетт, ерзая и менструируя в кресло, и ужасно обиделась.

– Вот, вот. Посмотрите друг на друга. Вот поэтому.

– Можно также сходить в перчаточник ... – начал Грейви.

– Сходи, – предложила Юридиси.

Грейви пожал плечами.

– Так вот, – Юридиси с некоторым напряжением поймала предыдущую мысль. – Сделаем, как велели, а потом займемся – ты, Грейви, займешься связью, а душка Кларетт натянет бальное платье и полезет в бесконечность – монтировать тросы.

– Почему я?

– Потому что в связи ты ничего не понимаешь, сколько тебе не объясняй, а инструмент в руках держать почему-то умеешь.

– А почему не ты?

– Потому что я буду сидеть здесь и координировать ваши никчемные усилия. И если кто-то из нас ошибется, мы либо влечемся в Солнце, как обещал нам Йоганнесбург, либо, как он подразумевал, залетим в касп без тормозов.

Душевая находилась в конце циркуляра – хотя «конца» у циркуляра не было, он шел по кругу. Просто в этом месте кончались жилые помещения. Юридиси заперлась в кабинке. Ужасно хотелось есть, но она твердо решила сперва почиститься.

Встав перед «трубой», она скинула куртку и штаны, отворила заборник, макнула щетку, намылила, и тщательно растерла верхнюю часть тела. Затем снова намылила щетку, и растерла нижнюю, и осторожно ладонью прошлась по промежности. Щипало везде. Юридиси терпела, стиснув зубы. Отомкнув «трубу», она вступила в герметический тубус, затворила дверцу, и нажала спуск. Чуть теплые, не очень чистые струи ударили со всех сторон. Фильтр работал плохо, а как его чинить – никто не знал толком. Продувать, разбирать-собирать, менять какие-то части, лупить кувалдой? Юридиси подождала, пока вода не достигнет груди. Присела – вода поднялась до подбородка. Потерла себя тут и там. Включила слив. В считанные секунды вода ушла вниз, к фильтру. Юридиси вышла из тубуса, затворила его, взялась за рычаг механической колонки, и перекачала воду обратно в заборник. Снова зашла в тубус. Снова включила воду. Неприятно пахнущие мыльные струи окатили ее всю, кроме головы. Юридиси не стала дожидаться, пока тубус снова наполнится водой. Выключив подачу и снова нажав слив, она вышла из тубуса, намылила голову кремом, вытащила из настенного ящика бритву, и за три минуты сбрила короткий жесткий ежик с головы. Вытерла голову спиртовыми салфетками. Растерла полотенцем.

Судя по шуму под потолком и в стенах, время ее в душевой истекло. Мощные вентиляторы засасывали воздух вглубь фильтрационных каналов, отделяя влагу. Юридиси смахнула пену, состриженные волосы – и все, с чем пена и состриженные волосы смешались, с пылью, с отмершими клетками кожи, со спиртовыми салфетками – в «канистру». «Канистра» издала глубокий булькающий звук и тут же начала все принятое в себя шумно перерабатывать. Также над головой включился аппарат, который по идее должен был отделять углерод от кислорода, и возвращать кислород в атмосферный наполнитель душевой – но не отделял и не возвращал. Строго говоря, его нужно было либо чинить, либо отключать во имя экономии энергетических ресурсов. Но ни у кого руки не доходили.

По соседству с душевой находилась кладовая. Выйдя голой в циркуляр, Юридиси толкнула дверь, бросила в бадью свою очень грязную пижаму, а из соседней бадьи вытащила «чистое» – такую же пижаму, но «обработанную». Обработана пижама была неважно, красовались на ней жирные пятна, черная полоса с внутренней стороны воротника, и прочая, и прочая, и остаточный запах пота пробивался через резкий запах хлорки. Не надевая пижаму, Юридиси направилась в кафетерий – помещение не многим просторнее кают.

Бортовой компьютер высчитывал рацион в зависимости от планируемой длительности путешествия. Порция оказалась больше, чем вчера. Очевидно смене курса сопутствовала переоценка компьютером материальных ценностей на борту. Юридиси вскрыла все консервы – банки из легких сплавов, тубики из сверхтонкой и сверхпрочной пластмассы – и жадно стала питаться. Едой это назвать было никак нельзя. Содержимое консервов не отличалось вкусовыми качествами – никакими, и ничем не пахло. И выглядело – никак. Месиво и месиво. Гарантированная сохранность – пятнадцать лет, на пять лет меньше, чем «рекордные» пайки американской армии в пятидесятых годах двадцатого века. Кажется. Впрочем, кто их, американцев, знает. Может, наврала, может, несъедобно все. А это – съедобно, но не очень. Но сегодня все по-другому. Юридиси с аппетитом проглотила предоставленное. После этого она отсчитала себе порцию витаминов, две таблетки тридцатипроцентного антидепрессанта, и выпила литр отвратительной, вязкой, ржавой на вкус воды, не боясь, что ее вырвет. Приняла таблетку «содействия», чтобы все, что внутри, переварилось с максимальной пользой.

Понюхала пижаму. Хлоркой пахло меньше, только потом. Надела пижаму.

Смена курса не обошлась без приключений – Грейви начал истериковать и сомневаться во всем подряд, в том числе в правомочности теории каспа и компетентности Йоганнесбурга.

– Размазня, – сказала ему Юридиси. – Если это тебя утешит, то – тебя и делать ничего особенного не просят. Все как всегда у тебя в жизни. Когда ты с друзьями магазин грабил, тоже ведь стоял себе в сторонке с пушкой, пока остальные деньги из сейфа выковыривали.

– Тебе какое дело? – возмутился Грейви.

– Стоял в сторонке, молчал. А выстрелил только когда тебя сзади толкнули. По ошибке. Повязали тебя за убийство, и так бы ты и торчал в тутумнике, если бы дружок в лотерею не заташил. Делай, что велят. А если не согласен, так ночью я к тебе приду с отверткой и вставлю ее тебе в ухо с размаху. Понял?

– Ты меня не пугай, – огрызнулся Грейви. – Отверткой я и сам могу, тебя, превентивно, и ночи ждать не буду, если тебя это утешит.

– Не можешь. Те, кто могли, либо в отсеке остались, если притворялись плохо, либо там, далеко, – она махнула рукой в неопределенном направлении, – во благо населения. Так что вякай умеренно. Абсорбировал?

Грейви заворчал невнятно и отвернулся. Пропулька, не желавшая вставать под нужным углом, в конце концов приняла правильное положение, катализатор синхронизировали на славу, и корректировка курса закончилась благополучно. Грейви вооружился инструментами и выступил на поиски неполадок в системе связи. Кларетт пошла облачаться в бальное платье. А Юридиси, дополнительно перепроверив все данные, потушила лишние экраны и некоторое время посидела в кресле, закинув ноги на пультовую полку.

Поев, помывшись, и вооружившись трайдендом, разводкой, паяльником, пятью детекторами, и шестью отвертками, Грейви выступил на починку связи. Четыре дублирующие друг друга доски расположены были по длине циркуляра на равном расстоянии друг от друга. Прозвонив третью доску, Грейви наконец сообразил, что грохнул матерник возле крутилки. Следовало ретироваться в операторскую, не обнаружить там Юридиси, сделать вылазку к ней в каюту, и там сообщить ей, что следует остановить крутилку на некоторое время. Ее в любом случае нужно остановить – с крутилкой в действии Кларетт не вылезет наружу. Грейви поперебирал в уме возражения против этого плана.

Неизвестно, смогут ли они крутилку остановить, а если остановят – смогут ли снова запустить. В прошлый раз запустилась чудом. Без крутилки не будет гравитации, а до хутения еще пилить и пилить, и не хотелось бы в дополнение к уже имеющимся проблемам, неприятностям, болячкам, страхам иметь невесомость и потерю мышечной и костной массы и, возможно, выпадение оставшихся зубов и волос. А также потерю оранжереи, в которой без гравитации ничерта не растет, сколько не удобряй. Вопрос – стоит ли риск невесомости на три месяца проверки матерника в узле связи возле крутилки – поскольку с большой уверенностью можно сказать, что это именно матерник грохнул, а не проводок отделился от клеммы. Дело в том, что запасные матерники остались на Ганимеде, и виноват в этом именно он, Грейви. А остальные выжившие ничего не знают, даже прикрученный к стояку в своей каюте капитан. Начнут спрашивать – куда делись запасные. И обязательно заподозрят. И так всю жизнь. Всегда Грейви в чем-то подозревают.

С крутилкой вопрос решился сам собой – Грейви специально медлил. Кларетт полезла на выход, Юридиси выключила. Ровное гудение крутилки нарушилось, забасило, погустело. Грейви заспешил к люку, распахнул его, и втиснулся в узкий тоннель. Гравитация убывала

быстро, и вскоре Грейви пришлось вспоминать и подготовку, и время, проведенное на Ганимеде. Несколько раз он ударился головой о стену тоннеля, затем выронил все отвертки и долго не мог их поймать. В конце концов он добрался до поворота, отворил люк, и вырулил к матернику. Отопнувшись, он с огромным облегчением увидел свешивающиеся с панели два проводка. Подсоединив паяльник, он поставил проводки на место и передвинул фуз. Мигнули контрольные лампочки.

– Рубка, говорит Жерве. Рубка, откликнись.

– Починил? Ну молодец! – удивленно откликнулась рубка голосом Юридиси.

В этот момент на панели что-то щелкнуло, сверкнула искра, и связь исчезла. Ругаясь сквозь зубы, холодея, Грейви осмотрел панель. Нет, ему определенно везло сегодня! Ничего страшного! Сгорели шесть предохранителей сразу – и черт с ними! В кладовой этих предохранителей – тонна. Нужно добраться до кладовой, вытащить предохранители, вернуться, и вставить.

– Нет, не починил, дура толстожопая, – объяснил Грейви потухшей панели. – Но скоро починю, чтоб тебе лопнуть, блядища, хонница.

Мелочи это все. Главное – мне двадцать шесть, и у меня стоит хуй. Я уж думал – прощай будущее. А тут вот какое дело. Мы это обсуждали, обсуждали ... с ребятами ... И что же – Дубстер оказался прав. Не у всех, не всегда, но у многих зависит всё от Солнца. Как далеко от Солнца. Незаменимый источник примозэнергии. На Земле меня ждут два миллиона звякалок, настоящих, вечноразменных, обеспеченных – и свобода. Куплю себе хутень в теплых краях, у прибоа, и переёбу всех женщин в округе. Чтобы каждую неделю была новая женщина. Или две женщины. Всех возрастов и рас, всех телосложений, всех типов. Жрать буду только самое лучшее, пить тоже.

Однако нужно чинить, чинить ... Починю, починю. Главные трудности позади. Я герой и спаситель суверенной страны и ее друзей. Во имя благосостояния человечества обеспечил я идиотов топливом на год вперед. Правда, есть одна заминка – капитан сидит там у себя, связанный. Все записывающие устройства у него в каюте я вывел из строя в самом начале заварухи. Это было необходимо, иначе мы бы все погорели. Капитан до Земли не добирается. Мы держим его на тот случай, если он нам понадобится в качестве технического консультанта. Так мы решили, не сговариваясь. А потом пошли спать, и проспали двое суток, и проснулись в полной апатии. Мы и раньше были в полной апатии, но какие-то промежутки наличествовали, когда нужно было что-то делать, и воля к жизни нас будила. А потом снова проваливались в апатию.

Грейви пихнул отвертку в кожаный пояс, развернулся, ударился плечом о стену, чудом избежал таранного удара лбом в панель – удар этот повредил бы ее permanently – и нырнул вниз, к люку.

Кларетт очень тщательно, как учили, натянула, приладила, приладила, застегнула, засупонила, задраила белый скафандр. Проверила, как учили, мунштук, подачу кислорода, прожектор. Проверила трос на поясе. Все элементы экипировки отозвались безупречно. Кларетт присела у двери и стала ждать, когда остановится крутилка. Она совершенно забыла, что когда крутилка останавливается, начинается невесомость. Начавшаяся невесомость слегка ее шокировала. В паху разлилось тепло. Если так будет продолжаться, подумала Кларетт, из меня вся кровь вытечет. И я стану бледной как белые люди, а глаза станут прозрачные, и я буду всех пугать в темноте.

С первого раза люк открыть не получилось, и Кларетт, неловко зацепившись за створку и дернув, отплыла от люка метров на пять. Вспомнив инструкции поведения в невесо-

мости, она снова приблизилась к люку, осторожно его отворила, и заползла в трубу. Проследовав до поворота, Кларетт повернула налево, потом вспомнила, что нужно поворачивать направо, развернулась, и вскоре уперлась руками и лбом в люк выходной камеры.

Сперва она нашла кольцо, за которое следует цеплять трос. Зацепила. Затем, точно следуя инструкциям, нажала нужную кнопку (оранжевую) и повернула рычаг (белый). И стала ждать. Насосы напряглись и высосали из камеры воздух. Скафандр среагировал увеличением давления. Затем прошло еще двадцать секунд – ровно двадцать – и выходная створка поехала влево. Кларетт перепугалась, хотя все было, вроде, правильно. Осторожно оттолкнувшись, она доплыла до выхода и, держась за край створки, выпросталась в открытое пространство.

Невероятное множество очень ярких звезд, очень красиво. Освещенная этими звездами поверхность нашей кастрюли. Вон пропультки, рядом, вон грань крутилки, а дальше – прицепом – груз. Темная поверхность.

Кларетт проследовала к корме, держась за скобы в корпусе. Затем повернула налево – там была дорожка из скобок, и первый ряд креплений тросов. И вот одиннадцатое крепление. Она еще раз убедилась, пересчитав крепления, показывая на каждое из них рукой.

Кларетт отстегнула от бедра кейс с магнитным дном и поставила на поверхность. Открыла. Вынула ключ, подключила с питанию. Простукала крепление.

Трос держался прочно, закрепленный в глубине обшивки. А вот направлялка, у самой поверхности, сильно пострадала. Четыре болта вырваны с корнем, клочья металла торчат в разные стороны. Кларетт вспомнила, что это очень опасно – рваный металл. Порежешь скафандр – умрешь. Но она не испугалась. Ей ведь не велели резать скафандр. Вот она и не будет его резать. И не умрет.

Работая кусачками, плоскогубцами, отверткой, и ключом с элетропитанием, Кларетт привела поврежденное место направлялки в приемлемый вид. Затем вытащила из кейса электроклепалку, прицелилась, и поставила ее точно над центром направлялки. И нажала пуск. Почувствовав коленом вибрацию, Кларетт отвела рычаг клепалки в сторону и отодвинула аппарат. Получилось очень красиво, ровно. Удовлетворенно кивнув самой себе, Кларетт передвинулась к следующей направлялке – двенадцатый трос.

Ей начало нравиться. Выровняв еще четыре направлялки, Кларетт поискала глазами шестую, последнюю. Шестая, последняя, отстояла от нее метров на двадцать. Сложив инструменты в кейс, закрыв его аккуратно и пристегнув к бедру, Кларетт двинулась к шестой направлялке – скоба за скобой. За пять метров до места назначения она почувствовала, что трос на поясе натянулся и дальше не пускает.

Ничего страшного. В пространстве нет ни высоких волн с пенными гребнями, ни колдобин, ни крутых поворотов. Не качает, не бросает. Ровно так висит себе кастрюля. То есть, она не висит, конечно же, а летит, причем очень быстро – но на глаз это не определить. Ветра нет. Звезды стоят себе на месте – яркие, очень красивые. Вообще очень красиво кругом, когда успокоишься. Какие они все-таки яркие, эти звезды! Как эта стерва меня давеча с Грейви стащила, будто имела на это право, сука. Ну, ничего, мы своего не упустим. Она ведь в некотором роде хорошая, Юридиси наша. Оторва, но хорошая. Лицо теперь больно морщить, фингал здоровый получился. Ну, я ей прощаю. Черт с ней. Главное – живы, и, кажется, здоровы.

Трос вместе с поясом она укрепила на одной из скоб – просто намотала покрепче, а конец с зажимом сунула в намотанное – и пошла себе дальше по скобам к шестой направлялке. Сунула ногу в скобу. Отцепила от бедра кейс. Поставила, открыла.

Шестая направлялка оказалась повреждена больше других. Как же ее так умудрились разворотить, кто, где? Говорили – метеорит на Ганимеде. Какой такой метеорит – повре-

дил шесть направлялок, а остальные не тронул? Он что, несколько раз бился в обшивку кастрюли, что ли? Врут, наверное.

Работая, Кларетт стала напевать себе под нос —

Поднялся он с места
И говорит — на-ко,
Возьми назад тесто,
Засунь себе в сраку.
Кругом стоят морды
В руках держа пики.
Какой роман бодрый.
Какой сюжет дикий.

Поворачивая осторожно последний болт, Кларетт задержала дыхание. И поняла, что болт идет слишком легко и останавливаться не собирается. То есть, сорвана резьба. Были бы в запасе болты чуть толще, она бы попробовала вогнать один в то же отверстие — вдруг сработает? Но все болты были одинаковые. Может, просто заклепать сверху листом? А вдруг не выдержит? И ее обвинят в том, что не выдержало. (О том, что, возможно, не успеют ее ни в чем обвинить, поскольку все погибнут, она не подумала). Нехорошо. А может, двойную заплатку поставить? Лист, а сверху еще лист, и вогнать клепок штук десять?

Первый лист лег гладко. Правда, отверстие направлялки частично закрыл, и пришлось его выгибать. Положила второй. Раз клепаем, два клепаем, три ... нет, здесь нужно по-другому подобраться. Вот с этой стороны. Кларетт завозилась над клепалкой, переменила позу, и неожиданно поняла, что никакая часть ее тела не касается обшивки. То есть, кастрюля отдельно, а она, Кларетт, отдельно. Сперва стало интересно, но вдруг, еще до того, как она успела осознать значение свершившегося, невероятно мощный заряд адреналина парализовал ее полностью. Она в несколько приемов справилась с ним, сжала зубы, и протянула руку — и не дотянулась до скобы. Какие-то сантиметры.

Она попыталась сделать плавательное движение — как учили, в невесомости — никакого эффекта. Кларетт с ужасом увидела, что медленно удаляется от поверхности кастрюли. Очень медленно. Но удаляется. Она стала вспоминать, как следуют поступать в таких случаях. Вспомнила. Главное — создать движение в сторону корабля. С помощью ... ракеты. Ракету она с собой не взяла. Ракет на кастрюле вообще не было никаких. Что остается? Кислородный баллон за спиной. Трубка подачи кислорода в скафандр. Вот трубка. Нужно набрать побольше воздуха в легкие, отвинтить трубку, и направить ее от поверхности кастрюли — и это создаст ... чего-то. Пропульсию. Пропульсия — наш друг.

Отвинчивать трубку нужно вот в этом месте. Туго затянуто как. Кларетт было потянулась расстегнуть рукав и стащить перчатку, но вовремя спохватилась. Нельзя. Кислород выйдет, давление выйдет, холод войдет, помру. Отвинчиваем в перчатке. Вот, пошло. Легче. Еще легче. Нет, оказывается, это просто шайба на резьбе, для контролирования длины трубки. Плохо дело. Что еще можно придумать? Поскольку до поверхности уже метра полтора, и скоро будет два.

Кларетт потрогала шлем. Прожектор. Она нащупала крепление и отцепила прожектор от шлема. Махонький совсем. Проводки. Она просто вырвала их с корнем. Теперь нужно — нацелиться на какую-нибудь скобу на поверхности. Прикинуть, примоститься, и швырнуть прожектор в сторону, точно противоположную этой скобе. Поскольку всякое действие вызывает противодействие равное по силе и так далее. Вот только массы — моя и прожектора, фонарика сраного — очень не сходны. Очень разные. Но поскольку вокруг нет воздуха, значит нет и сопротивления. Может, это как-то компенсирует ... разность масс. Последний шанс.

Кларетт заплакала.

В операторскую заступил Грейви и объяснил, что к чему – нужно менять предохранители.

– Времени не осталось, – сказала ему Юридиси, отрываясь от расчетов. Проверяет, перепроверяет, и вид ужасно умный. Ни дать, ни взять – капитанша.

– Как это – не осталось? – спросил он.

– Так. До первого торможения меньше двух часов.

– Успею.

– Кретин.

– А где Кларетт?

– На кровле, где ж еще.

– Еще не вернулась?

– Нет.

– Сколько нужно времени, чтобы два болта вернуть? Идиотка.

Юридиси некоторое время молчала, а затем включила сразу три экрана. Поводила стилем. Еще поводила, передвигая камеры, лучи, сигналы, инфракрасный датчик.

– Вот она.

Грейви взгляделся, и лицо его исказилось презрительной, раздраженной гримасой.

– Вот же пизда тупая!

– Лезем за ней.

Грейви подумал – не возразить ли? Зачем двоим-то? И решил не возражать. Подумалось ему – вот чушка эта кровящая подойдет там, в пространстве, улетит, будет болтаться труп, а ведь недавно была здесь, и вся влага кожная и подкожная, моча, кровь – все это вобрали насосы, абсорбировали, переработали в воду, отфильтровали – и я буду мыться всем этим, частью Кларетт, и пить, а ее уже нет. Как-то противно. Нужно идти спасать дылду. Пусть Юридиси берет на себя инициативу, черт с ней.

Полчаса ушло, чтобы достать скафандры из кладовой и облачиться в них. Переговоры невозможны – вся звуковая связь через панели в кастрюле. Кто это придумал и зачем? Какая сволочь? На Ганимеде выносили передатчик и ставили на поверхность. Там он и остался. Ударом метеорита разнесло передатчик в пыль.

Грейви оценил обстановку, пока они добирались до выходной камеры.

– Трос не достанет, – сообщил он.

– Откуда ты знаешь?

– На глаз. Метров десять не достанет. А то и все пятнадцать. Сделаем так. Ты цепляешься у входа и идешь по скобам в направлении этой гадины, где она там болтается. Идешь, сколько пускает трос. Я за тебя держусь и иду с тобой. Доходим. Я цепляю свой трос за скобу, прыгаю за Кларетт, хватаю ее. Ты тянешь нас обоих к поверхности.

– Давай лучше я прыгну.

– Нет. Ты не сможешь. Там самое главное – правильно схватить.

– Что ты имеешь в виду?

– Хватать нужно за сиську.

– Не вовремя у тебя чувство юмора проснулось. Все-таки лучше я, чем ты, Грейви. Правда. Ну что ты так смотришь?

– Что-то плохо мне верится в твои ... способности ... и еще меньше в благие намерения. Если тебя это утешит, я никогда тебе не доверял.

– Речь не о доверии.

– Слушай, Юридиси, ты быстро соображаешь. Этого у тебя не отнять. Можешь капитанить, сколько влезет, я не против, сам я этого не люблю. Но в данном случае прыгать должен мужик.

– Мужиком ты себя почувствовал вчера, и до сих пор успокоиться не можешь. Лучше бы ёб подольше.

– Не язви. Доживем – и это будет.

Юридиси усмехнулась презрительно. Грейви помедлил.

– Нужна ты мне ... – он пожал плечами.

– На себя посмотрел бы.

– Видел. Испугался. Ничего, почищусь, как по хутеням прибудем. Всё, надеваем шлемы.

Они проползли по поверхности насколько хватило троса и остановились. Прыгать следовало по диагонали. В открытом пространстве это невероятно трудно. Пристегнув свой трос к скобе, Грейви долго примеривался, отделялся от поверхности, хватался за трос, возвращался, и в конце концов оттолкнулся с полной отдачей. Юридиси следила за его продвижением в сторону Кларетт. Почувствовав коленом, упирающимся в поверхность, странную вибрацию, она посмотрела на скобу, к которой Грейви прикрепил трос. Между правой стороной скобы и поверхностью наметился зазор. Юридиси взялась за скобу рукой. Скоба держалась на одной клепке. Просто прижать скобу рукой и навалиться сверху всем весом – нельзя. Невесомость. Вес отсутствует.

Потеряв в панике несколько секунд, Юридиси отцепила трос от скобы и поняла, что времени крепить его у себя на поясе уже нет. Тогда она быстро намотала трос себе на руку, от запястья до локтя. Последний виток не получился – трос натянулся. Грейви, схватив Кларетт за ногу, уплывал в пространство по инерции вместе со спасаемой. Юридиси почувствовала, как трос сдавил руку. Ее потащило вслед за Грейви. Натянулся трос на поясе, натянулся пояс, сдавил живот. Юридиси закричала от боли в руке. Второй рукой она придерживала крепление на тросе, чтобы не размотался. Удержала. Потянула на себя. Сперва было тяжело, потом легче. Она даже вошла во вкус и стала тянуть сильнее, чем требовалось, и сообразила, что делать этого нельзя только когда увидела приближающихся Грейви и Кларетт – прямо на нее. Грейви ударился в нее всем телом и попытался обхватить ее торс ногами. Юридиси судорожно управилась схватить его за локоть. Втроем они приподнялись над поверхностью кастрюли. Грейви потянулся к тросу на поясе Юридиси одной рукой. Она поняла и попыталась изогнуться таким образом, чтобы ему было легче схватиться. Изогнулась. Мало по малу, Грейви придал тройной, напоминающей скульптурную, группе движение и нужное направление. Юридиси въехала в камеру жопой вперед, за ней вдвинулся Грейви, и за ногу втянул Кларетт. Он же задраил створку.

Когда камера наполнилась воздухом, Юридиси и Грейви одновременно сняли шлемы. Кларетт не проявляла признаков жизни. Юридиси сообразила глянуть на индикатор на кислородном баллоне и, освободив руки, расстегнула и стащила с Кларетт шлем. Кларетт была без сознания.

Искусственное дыхание в условиях невесомости – трагикомедия со слюнями. Но они справились, поочередно прижимаясь губами ко рту Кларетт и давя ей на грудь. А может она сама очнулась.

Включили снова крутилку, и некоторое время просто сидели в креслах в операторской, привыкая. Затем Грейви стащил с себя скафандр, бросил его на пол, и ушел менять предохранитель.

Дверь в отсек, где хранились предохранители и прочая дребедень, заклинило. Он вернулся за ломом. Сверившись с часами и прикинув интервал, который по плану должен был отделять смену курса от начала торможения, он понял, что может и не успеть. Вернее, точно не успеет. Спасательная операция отняла много времени. Он вернулся в операторскую, чтобы сообщить об этом Юридиси. Ее там не оказалось. Он отправился в кафетерий. Юридиси отпаивала Кларетт от шока каким-то консервированным раствором. Грейви постоял некоторое время возле, ничего не говоря.

Тревога нарастала. Кларетт пришла в себя полностью. Втроем они тарасились на экраны, лихорадочно проверяя и перепроверяя данные. Грейви что-то прикидывал на листе бумаги. Бумага и пишущие принадлежности хранились в операторской – очевидно на тот случай, если откажут все приборы, откроется черная дыра, кастрюлю забросит в параллельный мир, и всем членам экипажа нужно будет срочно писать завещания.

– Если два и восемь, – в четвертый или пятый раз сказал Грейви, – то мы отклоняемся от каспа на шесть градусов вот сюда, – он ткнул карандашом в точку на экране, а затем пометил цифру на бумаге птичкой. – А если два и девять, то на три градуса сюда, – и он снова ткнул в экран.

– Я не помню ... напомните мне ... – сказала Кларетт. – Почему только одно торможение до каспа? Почему нельзя корректировать?

– Да, это они объясняли, – Юридиси наморщила лоб, и от этого длинный ее крючковатый нос удлинился и загнулся еще больше. – Но я не помню.

– Я тоже не помню, и это не важно, – сказал Грейви. – Что ж мы, экспериментировать будем здесь, что ли? Прямо сейчас? Двадцать минут осталось!

– А посмотри еще раз угол от Солнца, – предложила Юридиси.

– Зачем?

– Вдруг там ошибка.

– Компьютер не человек, ошибок не делает.

– Посмотри!

– Сама смотри.

Юридиси поводила стилем по экрану. На изображении появились цифры. Некоторое время она их изучала.

– Вон странная цифра, – сказала Кларетт, показывая пальцем.

– Чем она странная?

– Должно быть больше. Не помню сколько, но должно быть больше.

Юридиси и Грейви вперились в экран.

– Это не ... это астрономические единицы! – сказал Грейви. – Блядь! Кто ж считает в астрономических единицах, идиотки!

– Ты сам идиот!

Он быстро пересчитал угол. Юридиси и Кларетт внимательно следили за движениями карандаша.

– А ну, пихнем это в базу данных, – сказал он, тыча карандашом в результат.

Юридиси нащелкала цифру. База данных цифру приняла, и все встало на место. Робкий тройной облегченный вздох.

– Пристегиваемся, – сказала Юридиси.

– Поставь сначала на автоматику, – попросил Грейви.

– Зачем?

– Ты что, сама собираешься включать? В нужную микросекунду?

– А, да...

– Ум у баб куриный.

– Заткнись.

Юридиси ввела данные в программу и задействовала таймер.

– Проверьте еще раз, свежими глазами, – попросила она.

Кларетт и Грейви просмотрели цифры на дисплеях. Кларетт ничего не сказала, а Грейви сказал:

– Ну, теперь уж ... Если это тебя утешит...

Пристегнулись к креслам. Прошло пять минут. Семь. Восемь. На девятой минуте послышался нарастающий гул, кресла развернулись и накренились под углом, следуя законам физики, а потом загрохотал контролируемый взрыв, и сразу же началась перегрузка – две гравитации ... три ... пять ... восемь ... Сознание отключилось.

Тросы выдержали, парус, целехонький, сложился в исходное положение. Автоматика не подвела.

Ни одного неповрежденного предохранителя в кладовой не оказалось. Грейви принес в операторскую несколько поврежденных.

– Можно поставить жучок, – предложила Кларетт.

– Нет, – откликнулась Юридиси. – Зажарим всю систему. Нужно перепаять ... Грейви, перепаяешь?

– А? Да. Наверное. Ты схему видела? Это нужно возиться ... долго-долго ... Если просто перепаять предохранитель...

– Да я поняла, поняла. Долго – это сколько?

– Часов десять.

– Опять не успеваем.

– Да, опять.

– Подождем все, – выступила с пророчеством Кларетт.

Юридиси даже «заткнись» не сказала.

– Ладно. Выход какой?

– Да, собственно, только один.

– Давай высчитывать поворот перед каспом.

– Давай, – согласился Грейви. – Только вот что ... А ну, проверь, сколько горючего осталось.

Юридиси сочла мысль правильной и проверила.

– В обрез, – сказала она. – То есть, кажется, что в обрез. Сколько еще нужно будет жечь?

– Поворот перед каспом – раз. Возможная корректировка курса после каспа – два. Возможный поворот возле Луны, три. После этого торможение, оно как три поворота.

– Я до сих пор не поняла ... – сказала Кларетт, глядя в потолок.

– Помолчи, – перебил ее Грейви.

– ... не поняла, почему нельзя тормозить, как мы только что тормозили, – снова подала голос Кларетт, глядя в потолок.

– Потому что серию атомных взрывов, даже контролируемых, возле Земли производить не положено, – сказал Грейви раздраженно. – И если мы на такое пойдем, нас пристрелят сразу после того, как отцепят груз.

– Ладно, – сказала Юридиси. – Тут есть одна запись интересная. Грейви, смотри.

Грейви посмотрел на дисплей. Кларетт тоже.

– Точно подождем, – подтвердила Кларетт.

– Это уже производилось, или просто теория? – спросил Грейви, изучая график.

– Делали. Дальше – видишь? – расчеты. На сколько возрастает мощность.

– А почему нам об этом ничего не сказали?

– Потому что хотели, чтобы мы довели груз в сохранности, а не тратили его на пируэты в космосе.

– Взорвемся, – пообещала Кларетт. – Только Грейви начнет смешивать, сразу бух, и всё. Ты же не сахар в кофе насыпаешь.

– Если тебя это утешит, я терпеть не могу пессимистов, – сказал Грейви. – Ты бы что-нибудь приятное говорила, дылда дурная. Ласковое что-нибудь.

– Гелий-три в пропульку – чем ты будешь отцеживать, пипеткой? – спросила Кларетт. – Или стаканом для скотча? Так ведь стаканов нет. Ну тогда просто на глаз, – заключила она уверенным лживым тоном, которым недалекие люди изображают сарказм.

– Датчик показывает, сколько в контейнере груза, – возразил Грейви. – Списываешь изначальную цифру, цедишь, выключаешь, когда искомая цифра возникает на экране.

– Цедишь куда – в ведро? И как, насосом? Или ртом?

– Сейчас дам в морду.

– Идиот! – с чувством сказала Кларетт. – Лучше бы связь починил. Я бы сама починила, но у меня руки дрожат до сих пор.

– Ладно, – сказала Юридиси. – Есть у меня одна мысль. Посидите здесь, я вернусь через полчаса. Кстати, уж если паять, то начинал бы прямо сейчас, чего бездельничать.

– Касп вы не пройдете, – сказал капитан Доувер, жуя. – Без связи с Землей ничего у вас не выйдет. Нужен предельно точный расчет, на глаз рулить не получится.

– А что, – спросила Юридиси, – были прецеденты? Кто-то погиб?

– Всякое было.

– Темнишь, капитан. Темнишь.

– А мне-то что. Живым вы меня доставлять на Землю все равно не соберетесь. Купить мне вас нечем. Говорю просто, чтобы доброе дело сделать.

– Добрых дел за тобой не замечено. Ты, капитан, не человек, ты свод правил. Неприемлимый. Каменный. Вас таких специально набирают. Не люди вы, а роботы.

Доувер хотел было ответить, но передумал.

– Касп всех уравнивает, – сказал он.

– Если бы можно было вернуться на Ганимед, в тот момент, когда все пошло наперекосяк, что бы ты сделал?

– Что бы я сделал?

– Да.

– Устранил бы всех, кто открыто проявлял нелояльность. Начиная с тебя и Дубстера.

– Чем же Дубстер тебе мешал?

– Он был твой любовник.

– Это когда было-то.

– Понятно было, что он прежде всего будет пытаться тебя спасти, в ущерб всему остальному – цели миссии, сохранности остальных членов экипажа, и даже личной выгоде.

– Понятно? А вот мне это было не понятно.

– Да, ты не такая умная, как хочешь казаться. – Он поперхнулся, откашлялся, и сказал хрипло, – Как только вы появились перед кораблем, впятером, нужно было сразу вас устранять, всех. Но мы впустили вас на корабль. Я увидел Дубстера в операторской. Он что-то там рассматривал, не знаю, что. Потом сказал мне, что ты куда-то подевалась. Я пошел за ним,

как идиот. У меня был с собой стек, мне ничего не стоило убить его прямо тогда, найти тебя, и тоже убить. Остальные ушли бы сами. Стадо.

– Ушли бы – умирать в ледяной пустыне, так?

– Они не были членами моей команды. Я за них ответственности не нес. У меня был груз, у меня был корабль, и был экипаж из пяти человек.

– А остальных ты куда девал?

– Погибли во время перехода.

– В каспе?

– Нет. Касп мы проходили при полном содействии Йоганнесбурга, безупречно. Погибли уже за орбитой Марса, над астероидным поясом.

– Каким образом?

– Драку устроили. Пришлось принимать меры. Чтобы остальные жили.

– Слушай, капитан, не следует считать меня последней душой. Связь с Землей – формальность. Где-то в системе хранятся инструкции для прохода через касп. Спрятаны глубоко, но у капитана и его помощника наверняка есть доступ. Скажи, где искать.

– Нет никаких инструкций.

– Есть. Не темни. Я привезу тебя на Землю живым. Честное слово.

Он усмехнулся.

– Твое честное слово – много ли оно стоит?

– Много. Я обещала Дубстеру.

– Ты сама веришь в то, что говоришь?

– У меня выбора нет. Где инструкции по каспу?

– Юридиси, – сказал капитан, допивая воду. – Сделай милость. Иди на хуй. Оставь меня в покое. Или убей меня прямо сейчас.

– Убить я тебя всегда успею.

Сто тысяч рассветных блесков на пологой волне. Тихий всплеск, едва заметная пена, вода откатывается и обнажает влажный песок. Воздух приятно пахнет илом. Волнорез, продолжаясь за террасой, уходит далеко в море.

Каменный пол террасы теплый, несмотря на ранний час. Позади – маленький уютный коттедж.

Юридиси проводит рукой по голове – ежик волос, только что начавшийся, меньше миллиметра, приятно покалывает ладонь. Она оглядывает себя – короткий махровый халат, нежная чистая кожа под ним. Юридиси вытягивает вперед левую ногу – безупречный педикюр. Делает глубокий вдох, потягивается – тело отзывается приятной послеоргазменной усталостью в мускулах и суставах. Это не сон. Явно не сон. Разве во сне бывают запахи? Или вот – смелая Юридиси, не боясь нарушить иллюзию, щиплет себя за бедро. Нет, она не спит.

Из коттеджа выходит голый Дубстер. Она не оборачивается. Она просто знает, что это именно он. Он обходит шезлонг и направляется к перилам террасы, не глядя на нее. Ей не нужно видеть его лицо, чтобы понять – позирует. Могучей спиной, компактными ягодичками. Мужчины все-таки невыносимо тщеславны. Он делает вид, что восхищен роскошным восходом с длинным импрессионистским мазком кучевых облаков над горизонтом. Подонки, думает она с нежностью. Сейчас он повернется, уперев одну руку в бок, и покажет ей свой все еще слегка напряженный член.

– Хочешь дыню? – спрашивает он.

– Пошел ты.

– Очень вкусные дыни. Я уже две штуки слопал. В душе соленая вода. С тем же успехом можно было бы просто окунуться.

– Иди сюда.

– Зачем?

– Иди сюда, подлец!

– Хмм. Ну, вот я, подошел. Чего тебе?

– Сядь. Нет, не так. Верхом на шезлонг. Я вот так приподниму ноги, а ты сядь верхом ... Вот, правильно. А теперь я положу ступни тебе на бедра ... расслабь бедра ... вот. У меня красивые ступни?

– У тебя красивые ступни. Жрать хочешь?

– Не очень. Ебаться хочу.

– Это просто замечательно. Это как раз совпадает с моими желаниями. Но из деликатности я не хотел говорить тебе об этом. Я думал, женщины любят недомолвки.

– Я не люблю недомолвки. Не хватай меня за сиську. Нежнее.

– Вот так?

– Примерно. И вообще учитывай разницу габаритов. Я миниатюрная, а ты слон здоровенный. Ай. Нежнее, тебе говорят!

– Зато тебя можно ворочать туда-сюда, и это не выглядит глупо, и ты не обижаешься ... Живот у тебя мягкий. С возрастом растолстеешь, наверное. Будешь жирная и сварливая. Не хлопай меня по голове, это сбивает ... Я тебя сейчас подвину слегка, хорошо? Вот, правильно. Подожди, подожди ... Где это мы, вот бы узнать...

– Зачем? Разве ... тебе ... плохо ... со мной?

– Не дергайся ... Мне с тобой хорошо. А то третьего дня много рассуждали про касп. Если ты обнимешь меня одной рукой за шею, тебе будет легче ... сохранять равновесие. Чего ты так стонешь, это еще не ... вот, теперь до упора. Нравится?

– Хвастун. Трепло.

– А ты скажи – нравится?

– Очень нравится. У тебя самый огромный член в мире, мечта всех женщин. Доволен?

– Ну, не самый...

– Но около ... того. Если это действительно касп, то, наверное...

– Что?...

– Нет, не знаю. А тебе нравится?

– А как же. У тебя самая пухлая жопа в мире. И самое влажное и горячее влагище всех времен. У тебя нежная кожа и бедра приятной формы. И большие глупые глаза.

– Руку убери.

– Зачем? Очень удобно.

– Я прекрасно знаю, что у меня нос крюком. Мо эдо не побод дахватыбать ебо б кулак ... убеда дуку, дудак.

– А за ухо? Ухи у тебя тоже красивые. А ареолы вокруг сосков как блюдца.

– Об ... обижусь.

– Не обидишься. Помнишь, как мы с тобой встретились тогда, в Центре Подготовки? ... Ты мне хамила все время и окатывала презрением. Я сразу понял, что ты хочешь со мной ебаться.

– Какой ты ... умный ... и дальновидный. Рожа у тебя какая зверская.

– Зверская?

– Нет, мужественная, мужественная. Очень такая ... типа ... стойкая ... рожа. Дай я укушу тебя за губу. ... Три месяца...

– Три месяца абсолютного счастья, ты хотела сказать?

– Ты серьезно?

- А ты разве не думала так? Признайся.
- Думала. Не запрокидывай меня ... Ну, зачем ты встаешь? Что за акробатика? ... хочешь показать мне, какой ты удалой?...
- Нет, просто на постели тебе будет удобнее. У тебя спина нежная. А шезлонг жесткий.
- Врешь, это у тебя спина нежная, и ты хочешь лечь, и чтобы я тебя ... ай ... обслуживала. Осторожно, не долбани меня головой ... косяк! ... дверь же! ... силач хуев...
- Не ворчи. И не рыпайся, уроню ведь ... Осторожно. Вот, я медленно сажусь ... теперь ложусь ... не сжимай коленки, наоборот, расставь ... Правильно. Теперь я заложу руки за голову ... вот так ... и буду смотреть в потолок ... а ты действуй, не ленись. Но помедленнее. Помедленнее, я сказал! ... Живой человек я, не конь какой-нибудь...
- Вот так?
- Да, так хорошо.
- А почему у тебя грудь не волосатая?
- Не знаю ... Гены такие, наверное ... А вот ... про тебя я ничего не знаю. А, Ридси? ... Сколько у тебя было мужчин до меня?...
- Все тебе ... расскажи ... Меньше, чем ты ... думаешь.
- Непонятная ты, Ридси! ... Судя по всему, ты не из зелейфа. Не ... Э...
- Я из зелейфа..... Но ... не сразу ... Я ... rrrr ... в богатой семье ... rrrr ... родилась. Но ... с детства ... была оторва страшнейшая ... Нил. Нил, тебе хорошо?
- Мне ... хорошо. Зачем же ... тебе ... зелейф понадобился?...
- А мне ... скучно было.... Хотелось действ ... действия.
- А ты когда-нибудь ... любила? ... Кого-нибудь? До ... меня?
- Это ... Нил, это ... бестактный вопрос...
- Ну, от меня ожидать ... тактичности ... глупо. Вот странная ... складка у тебя ... будто растя ... растяжка. У тебя что ... дети есть?...
- Есть.... Близнецы.... Только ... только они не мои. То есть ... мои, но их отдали ... в семью ... А я хотела бы ... чтобы у нас с тобой был ... ребенок... Странно.
- Что странно?
- Я думала, у тебя сразу хуй упадет от такого признания.
- Не останавливайся.
- А ... да...
- Я бы тоже хотел ... чтобы ребенок...
- Трепло ... Хочешь посмотреть, как я ... вот так вот ... кончаю, хочешь?
- Хочу.
- Сейчас. Вот оно ... еще немного ... А у тебя есть дети?...
- Наверное. Я как-то не ... Ого! ... Да ... Ни хуя себе ... Молодец, Ридси. Ну просто Афродита, а не Ридси ... Подожди, я тебя переверну.... Интересно, мы ... касп ... тебя на моей кастрюле нет ... Это я точно помню. Тебя оставили ждать следующую ... А в каспе мы вместе...
- Ай! ... Дай же отдохнуть, сволочь ... Ну, хорошо, только замри на пару минут ... Нет, можешь навалиться хоть всем телом. Да. Сиську прищемил ... Да. Ага. Меня оставили ... а потом был Ганимед, а потом ... да подожди же ты, полежи не двигаясь.
- Трудно.
- Потерпишь. На обратном пути ... касп...
- На обратном? ... Как ... как же это? Я лечу туда, а ты уже ... обратно?...
- Да куда же ты ... замедлишь! Замедлишь, тебе говорят, я не успею!
- Успеешь!
- Не успею! Не успею, сволочь! Замедлишь!
- Успеешь!

- Успею ... успеваю...
- Сука!
- Подонок!
- Я люблю тебя!
- Я люблю тебя!
- ... ххх ... это моя щека.
- Небритая.
- Неправда, я брился давеча. Можно я выпростаюсь? Где-то были сигареты. Ужасно хочется курить.
- ... Не знаю ... Вон они, на трюмо. Помнишь, нам объясняли про касп?
- Кривой такой тип, с постной мордой? На тебя все время облизывался? Помню. Я скучал дико.
- Я тоже. Ужасно, когда кто-то пытается объяснить, а сам не понимает, и скучно ему. Скука заразительна.
- А он не понимал?
- Заметно было. И козлом от него пахло. Помню, он говорил, что касп – это временное смещение. Не пространственное, а временное. И помню – четыре уравнения писал, показывал.
- В одном из уравнений ошибка была. Я думал, что временных смещений в отрыве от пространства не бывает.
- Это смотря что брать за ... дай мне тоже закурить ... за точку отсчета.
- Тебе идет.
- Что именно?
- Сидишь голая по-турецки и куришь, запястье на коленке.
- Ты всем женщинам такое говоришь?
- Я вообще ничего такого женщинам не говорю. Я человек суровый, мне моя репутация дорога.
- А ты в зелейф как попал?
- Я родился в зелейфе. Отец был медвежатник...
- Профессиональный?
- Да. Мать умела разное ... А отец серьезный был. Инструменты у него были любимые, он их берег, лелеял. Зарвался, заважничал. В тутумнике маялся, к нему какие-то разведчики заглянули, предложили что-то, солидные гонорары сулили. Не знаю, что из этого вышло. Мать путалась с кем попало потом. Мне было лет двенадцать, и я начал самостоятельную жизнь. В семнадцать чуть не нарвался по-крупному, но армия пришла к нам в предвариловку, поговорили со мной, взяли меня в оборот, определили в спецназ. Когда спохватились, сообразили, что я командам подчиняюсь плохо, был скандал. Выперли, но не забыли. Словечко замолвили в нужный момент, и вместо строгого режима попал Дубстер неприкаянный, несостоявшийся спецназовец, в Горную Землю.
- А потом?
- А потом от меня были рады избавиться. В Горной Земле – улицу не так перешел, тебя сразу на тот свет отправляют. Ну, я-то на тот свет отправляться не захотел, и они это очень скоро поняли. Что на тот свет меня можно отправить только в большой компании, включающей половину их паханов. Постеснялись, решили что дело того не стоит. Подвернулся набор в Пейлоуд, меня и сплавил.
- Не жалеешь? А? Нил! Не молчи.
- Знаешь, я так думаю ... Вот встретились мы с тобой в Пейлоуде ... Я многого тебе не сказал, вот об этом жалею. Если это действительно касп, и мы сейчас в каспе, значит, долго не продлится ... а придется ли нам с тобой еще свидеться – не знаю. Надеюсь. Но не знаю.

Встретил бы я тебя года четыре назад, или пять. Кто ж знает, что бы из меня вышло. Каким бы я стал. А, Ридси? Многое зависит от женщины. Я так думаю. Ну, что ты так смотришь? Ридси, не ... Ну, вот. Не плачь, Ридси. Дай сюда сигарету ... отдай, тебе говорят! Ну не плачь.

– Выйдем на терассу, Нил.

– Выйдем.

– Хочется спать.

– Да.

– Уснем – и все кончится, и опять...

– Да.

– Возьми меня на руки. Осторожнее! Медведь!

– Прости.

– Опять об косяк долбанул. Ну, не идиот ты?

– Идиот. Смотри, солнце высоко.

Кларетт замычала от злости. Пространство, подпространство, касп, говорят, говорят с умным видом! Козлы! Хонники сраные! Мать-перемать, как тошнит! В голове гудение и дребезжание! Все кругом мутно. Справа сидит дура жопастая ... слева Грейви блюет ... Чтоб вам всем ... нет, если я выживу, то всех поубиваю ... невозможно, невозможно! Все болит, саднит, и ноет! И дышать почти невозможно!

Кларетт рывком расстегнула оба ремня, вывалилась из кресла, и на четвереньках поползла к выходу из операторской. За все мои мучения! Надо взорвать кастрюлю вместе с грузом. Желательно, чтоб пострадало много людей! Чтоб они почувствовали, твари равнодушные, жующие, энергии требующие! Почувствовали, как мы здесь загибаемся.

Она добралась до душевой и стащила с себя – штаны, куртку скафандра, которую до того снять не успела, майку, забралась в тубус, и включила воду. Когда вода поднялась до ребер, она не стала нажимать на слив, а замерла, и только дышала – короткими вдохами. И простояла в тубусе очень долгое время. В дверь грохотали, били ногами, может даже головой, но она не отзывалась. В конце концов дверь взломали – на пороге возник Грейви с ломом в руке, а позади него жопастая стерва Юридиси. Кларетт нажала слив, вышла из тубуса, зло посмотрела на них обоих, и сказала:

– Помыться не дадут.

Очень им нужно было меня спасти! Спасатели! Я теперь им что – до конца жизни обязана? Ах, какие вы добрые, сердобольные! Не допустили ухода подружки в пространство. Лицемеры. Свины.

Она наотмашь ударила Грейви по уху. Грейви бросил лом и двинул ей по щеке, а потом еще раз, и она дала сдачи, и Юридиси кинулась их разнимать, и получила по лбу и по затылку от Грейви, а Кларетт въехала Грейви по яйцам ногой, он заскулил, завыл, завертелся на месте, упал на бок. Юридиси схватила Кларетт за волосы, и Кларетт с удовольствием ляпнула кулаком – в глаз не попала, около, в скулу. Юридиси царапалась и пиналась, Кларетт рычала и молотила кулаками. Вскоре обе обмякли и откатились друг от друга.

Все-таки Грейви нашел нужные инструкции и усилил пропульки дозой груза с катализатором. После этого он допаял предохранитель и пошел его вставлять, и через полчаса восстановилась связь с Йоганесбургом, и дежурный на Земле поднял на ноги весь центр. Экипаж хвалили, экипажу льстили, экипажу обещали золотые горы. О капитане спросили

один раз, и тут же забыли. Груз целый. Трюк с усилением пропуклей приняли на ура, пересчитали, продиктовали инструкции, проконтролировали. По малой корректируя курс, кастрюля ровно и быстро шла к Земле, тормозясь через равные интервалы, каждые три часа. Спали теперь посменно.

Грейви махнул Юридиси рукой и вышел из операторской. Приготовленный мешок из толстого пластика ждал на второй полке в кладовой, лом лежал на полу. Грейви проследовал к каюте капитана. Сжав зубы и взяв лом в правую руку, он оттянул дверь. Капитана в каюте не было.

Грейви поспешил назад в операторскую.

– Как это – нет его? – Юридиси широко открыла глаза.

– Нет.

– Что ж он, встал и ушел? Своим ходом?

– Возможно. И теперь прячется.

– Грейви, ты шутишь.

– Если тебя это утешит – то да.

– Где Кларетт?

– Спит, наверное.

Сунулись к Кларетт. Она действительно спала. Разбудили.

– Чего, чего вы ... – заворчала Кларетт.

– Когда ты видела его в последний раз?

– Не желаю его видеть, морду его хонниковую...

– Дура! Когда?

– Не помню. Ты последняя к нему ходила.

Грейви смотрел на них попеременно.

– Кто-то из вас, девочки, его убрал, – неприятным голосом сказал он. – Так?

– Что ты плетешь! – возмутилась Кларетт.

– Нет, – сказала Юридиси. – Грейви, может ты?

– Я собирался, – признался Грейви. – Но не успел. Ну и где он теперь?

– Может, прячется?

– Где? Как? И как он освободился? Чем перерезал ленты? Обо что перетер?

Сперва были неполадки, почему-то горел индикатор правого люка, но выключился после того, как Грейви стукнул по панели кулаком пару раз. Угол входа в атмосферу скоординировали безупречно. Перегрузки незначительные, не сравнить с каспом. И уже над Атлантикой, в одиннадцати километрах от поверхности, отлетело покрытие боковой антенны, замигал аварийный сигнал, и Грейви и Юридиси одновременно схватились за джойстики, а Кларетт сказала:

– Не так, так эдак, все равно подохнем, какая разница...

Выдвинулись и распахнулись кормовые крылья, восстанавливая баланс, выползли из щелей тормозные флапы, и кастрюля пошла на снижение. Юридиси магнифицировала цифровое изображение посадочной полосы.

– Айвенго, как слышите?

– Хорошо слышим, – сухо ответила Юридиси. – Освободите полосу до самой воды.

Что там за дрянь у вас стоит, справа?

Пауза.

– Это пожарные, на всякий случай.

– Уберите их на хуй! – велела Юридиси. – Автопилот выведен из строя, мы садимся вручную!

– Держите связь.

Пауза. Пожарные вуатюры начали отъезжать от полосы.

– Айвенго, полтора градуса к порту. Расстыковка через десять секунд.

– Какая еще расстыковка? Нам ничего про расстыковку не говорили! Эй! Вы будете отвечать или нет?!

– Шесть, пять, четыре...

– Что за расстыковка?!

– Два...

– Я спрашиваю!

Кастрюлю качнуло, затем загудели турбины – автоматически, и скорость увеличилась.

– Порядок, Айвенго! Тушите скорость!

Юридиси и Грейви переглянулись.

– Что вы там колдуете, сволочи? – крикнула Юридиси. – Что это было?

– Айвенго, все в порядке! Груз отделился и переключился на автоматику.

– Груз?

Грейви замычал и завертел головой с таким видом, будто самые худшие его подозрения только что оправдались.

В отделенном модуле пришли в движение автономные генераторы. Загудели открывающиеся створки. Модуль разделился на четыре части, и по очереди над каждой из частей взвились три парашюта. Через некоторое время четыре огромных контейнера не очень плавно опустились в Атлантику в пяти милях от берега. Из порта к ним уже шли полным ходом буксирные катера.

Контейнеры оттянули – не в порт, а по соседству, в мини-гавань, и в короткий срок погрузили их на платформы. Массивный электровоз поволок их в объезд гор и холмов, прибыл спустя полчаса в Горную Землю, и остановился под дебаркадером Комплекса Переработки. Еще около сорока минут прошло до того, как контейнеры транспортировали к «подойнику», и еще минут десять заняло у техинспекторов закончить полуденную трапезу и развинтить задраенный люк в технадстройке первого контейнера, в коем и обнаружился все еще живой (на удивление) человек в скафандре, у которого кончался кислород в последнем баллоне. Сразу вынимать его из скафандра было нельзя, поэтому, рискуя жизнью обнаруженного, послали за новым баллоном, и на это ушло еще около часа. В сознание человек пришел только через двое суток, но еще до этого люди, обладающие высокой степенью доступа в компании Пейлоуд установили, что это капитан Доувер.

Люди входили и выходили, медсестры меняли капельницы, Доувер безучастно наблюдал за суетой. Щелкал переключателем, смотрел без особой охоты комедии. Сводки новостей вызывали в нем раздражение. Где-то встречались официальные лица, болтали и обменивались лицемерными улыбками, где-то вспыхивали вооруженные конфликты, какие-то полумные альпинисты взбирались зачем-то на вершины, обсуждались бюджеты и скандалы, знаменитости изменяли друг другу, спортсмены ссорились со спонсорами. Суета.

Под вечер появился наконец господин Пицетти – в роскошном летнем костюме кремового света. Остатки кудрей он каким-то образом умудрился зализать и затянуть сзади черной лентой.

– Ждем только вас, капитан, – сказал он.

– Ридси. Изолируйте ее. Мне обещали, что я завтра встану на ноги. Я сам с ней поговорю.

– Собственно, я хотел узнать ... вы понимаете меня, капитан.

– Да, координаты. Они у нее. Шифр. Она не знает, что именно там написано, но шифр помнит наизусть, может воспроизвести. Будут вам координаты, господин Пицетти. Завтра. Остальных можете отпустить, толку от них никакого.

– Может, она с ними поделилась секретом?

– Ридси? Не тот случай, господин Пицетти. Впрочем, можете их допросить с пристрастием.

Пицетти прикинул, что к чему, перебрал в памяти предысторию, и понял, что Доувер прав. На всякий случай он все-таки решил еще один раз допросить Жерве. С Кларетт он уже переговорил, и обнаружил, что дура она редкая. А с Ридси все глухо. Хорошо. Пусть капитан попробует. Есть много способов развязывания языков, но пусть капитан сперва попробует ... что у него там на уме...

Люди военные так или иначе тщеславны и в мирное время более других озабочены своим внешним видом. Капитан Доувер обнаружил, что может сидеть и стоять, а вот ходить – не очень. Нужна была третья точка опоры. По его требованию один из сотрудников больницы обегал несколько магазинов и предоставил капитану на выбор восемь разных палок и тростей. Больше всего капитану понравилась трость со вставным кинжалом, но он решил, что это слишком вычурно и выбрал менее эффектного вида вещь, с откручивающимся набалдашником и полостью для наливания и транспортировки аварийной дозы коньяка. Сперва капитан решил, что это глупость, но, подумав, последовал привычке использовать все предметы строго по назначению. У полости имелось назначение. Он попросил коньяка, в присутствии медсестры влил четверть содержимого бутылки в трость, и завинтил крышку. Ручку и блокнот сунул в карман пиджака. Ботинки пришлось зашнуровывать медсестре – Доувер не смог ни нагнуться, ни согнуть и поставить на стул ногу.

Прибыв в Центр Подготовки, капитан холодно поздоровался с комендантом Уилсоном, расчеркнулся в ведомости, и проследовал в сопровождении двух охранников в отсек, где обычно содержались выбывшие конфликтные. В комнате Юридиси имелись привинченная к полу кровать, стол и стул (тоже привинченные), и решетка на окне. Юридиси, в льняных голубых штанах, майке, и голубой куртке, босая, сидела по-турецки на кровати. Капитан сделал знак охранникам, и они удалились, заперев дверь. Юридиси хмуро смотрела на него. Опираясь на трость, он осторожно опустился на стул.

– Что тебе нужно?

– Ты знаешь, что, – сказал он. – Все ты знаешь. Хочешь верь, хочешь не верь – мы с тобой сейчас хотим одного и того же – свободы. Но, понятно, ты хочешь гарантий, денег, может даже новый паспорт. Последнее – самое легкое. У нас с тобой как раз есть общий знакомый, который занимается паспортами.

– А взамен?

– Ты знаешь. Координаты.

Она промолчала. Когда он шел сюда, ему вспоминались месяцы унижений по пути на Землю, и он боялся, что ненависть к ней испортит дело, не даст ему спокойно говорить.

Но ненависти не было. Была какая-то смутная тоска, обида, неприятная уверенность ... в чем? В том, что такая вот особь женского пола никогда бы не смогла его, Доувера, полюбить. Такие полные неумной энергии, живые, страстные женщины любят только таких мужчин, как Дубстер, мужчин, для которых нет правил и устоев, мужчин, которые никому не подчиняются и ни от кого не зависят, пока их не поймашь и не посадишь, но и в тутум-нике они тоже ведут себя независимо.

– Не старайся набить цену, Ридси. Больше, чем я тебе обещаю, ты не получишь. Цена на эту информацию падает с каждым днем. В любой момент какой-нибудь китайский роувер проедет по РПК, сбросит веху, передаст данные на Землю, и меньше чем через год очередная китайская кастрюля бросит якорь именно там, с готовым к работе оборудованием. Такие же шансы у американцев. И такие же у русских. Роуверов развелось там – целый парк.

Ей было явно неинтересно. А ведь действительно, подумал Доувер. Женщины гораздо менее романтичны, чем мужчины, когда дело касается политики, экономики, общества, и прочих полуабстрактных данностей. Женщин интересуют только личные отношения. Нет, безусловно встречаются на свете женщины, которым и другое тоже интересно. Но это очень специальные женщины. И Ридси к ним не принадлежит.

– Я не могу ни воскресить, ни заменить тебе Дубстера, – сказал он.

Она подняла на него черные свои глаза. Целый океан презрения вылился на Доувера.

– Стало быть, не понимаешь, – сказал Доувер. – Здесь, в этом здании, есть специалисты, которые получают от тебя координаты и многое другое за полчаса. Общение с ними приятным не будет, не говоря уж о том, что то, что ты им расскажешь дополнительно ... понимаешь? ... дополнительно! ... непременно будет использовано против тебя. Ты дорожишь памятью о любовнике? Они смешают эту память с грязью, и тебе не захочется больше его вспоминать. Тебе импонирует твоя стойкость, твоя поза мученицы, ты здесь за любовь воюешь? От этой позы ничего не останется. Ты не хочешь потерять чувство собственного достоинства? Ты забудешь, что это такое. Ты будешь пресмыкаться, ползать по полу в соплях, и слезно умолять равнодушных, и предлагать им свою любовь, память, достоинство – за дозу морфия, за два часа забытья. Ты могла меня убить, и даже хотела, но не сделала этого. Я всего лишь возвращаю долг. Продиктуй мне координаты, и мы оба уйдем отсюда, мне здесь надоело, а тебе тем более.

Юридиси молчала.

Продовольственный грузовик прибыл с запозданием – уже наступили сумерки. Маленький толстый шофер грузовика подал ведомость охраннику, и охранник, проверив содержимое привезенных контейнеров, дал добро на разгрузку. Грузовик подогнали задом к кухонному складу, соединили его с окном подсобного помещения колесным мостом, и контейнеры один за другим заскользили по мосту вниз.

– Осторожно, стекло! – сказал один из грузчиков.

Принимающий кивнул и с большой осторожностью принял скользнувший в окно подсобки ящик.

Ответственный за кормежку отсеянных, с полочной каталкой высотой в метр, на полках которой помещались плошки с едой, бутылки с водой, стаканы, салфетки, в сопровождении коллеги подошел к двери отсеянной Юридиси Камбанеллис.

– Я не помню код, – сказал коллега.

– Восемь, восемь, пять, три, – сказал охранник с каталкой.

Прошли внутрь.

Начальник смены, опершись о стену Центра и дискутируя по связи с женой на тему «куда нормальные люди ездят в отпуск», одним глазом наблюдал, как у входа под козырьком тощий долговязый охранник о чем-то рассуждает с маленьким толстым шофером. Рассуждает неодобрительно. Шофер жестикулирует, показывает пальцем куда-то, разводит руками, пожимает плечами. Затем шофер идет ко входу в Центр и на мгновение исчезает в тени. Начальник смены нахмурился. Но нет – вот охранник ведет шофера обратно, держа за плечо левой рукой. Подталкивает к грузовику и машет рукой, мол, сиди в кабине и не вякай. Шофер некоторое время сомневается. Охранник делает угрожающий жест. Шофер покорно идет к кабине. Забирается в кабину. Хлопает в раздражении ладонью по внешней стороне двери. Начальник смены улыбается. Начальнику смены нравятся комические персонажи.

С грохотом закрывается задняя скользящая дверь грузовика. Грузчики лезут в кабину. Грузовик разворачивается и едет к пропускному пункту. Поднимается шлагбаум.

Проходит минут тридцать. В секции «отсеянных» поднимается грохот и гвалт. Несколько человек охраны бегут туда, дабы осведомиться – в чем дело? Их оскорбляют и обвиняют. Они хотят уморить отсеянных голодом? Это что, новый способ избавляться от лишних людей?

Кто-то наводит справки – дежурный, ответственный за раздачу еды в этой секции почему-то отсутствует. Его каталку находят в углу коридора, ведущего в секцию. Из каталки вытащены все полки кроме верхней. Появляется начальник смены и суровым спокойным голосом спрашивает – в чем дело? Увидев каталку, он тревожится. Помедлив, отдает приказ проверить все помещения, где содержатся отсеянные – одно за другим. Начинается проверка. В помещении Юридиси Камбанеллис обнаруживается, во-первых, ответственный за раздачу – без сознания, и во-вторых – толстый шофер грузовика, связанный, с кляпом во рту. Самой Юридиси в помещении нет.

Включают сигнал тревоги, весь контингент приходит в боевую готовность. Через десять минут вертолет, посланный на поиски, обнаруживает грузовик у обочины трассы, в пятнадцати милях от Центра. Пять джипов прибывают на обозначенное место в считанные минуты, охранники выпрыгивают из них с автоматами на изготовку, вертолет зависает над самым грузовиком. Из грузовика машут рукой, затем медленно открывается дверь водителя, и из кабины с поднятыми руками вылезает грузчик.

В логическом центре ботанического сада помещался стилизованный под греко-римскую античность фонтан, оттененный кронами огромных лиственных деревьев. На удивление дальновидная администрация сада спонсировала круглосуточно работающее кафе неподалеку от фонтана, приятное, мягкое освещение на аллеях, и абсолютную безопасность посетителей в любое время суток (платили муниципалитету за ночное патрулирование). Ночью сад работал в убыток, обслуживая в основном безденежных влюбленных и одиноких мечтателей, но влюбленные и мечтатели создавали ауру (по мысли администрации), способствовавшую невероятной популярности сада в дневное время. А она, популярность, и вправду была невероятная. И ночное вялое действие кафе окупалось днем благодаря высоким ценам на напитки. А в ботаническом саду всегда пить хочется почему-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.